

✦ ЭПОХА ЗАКАТА ИМПЕРИИ ✦



ЭПОХА ЗАКАТА ИМПЕРИИ

КОРОНА ИЗ КОСТЕЙ И ПЕПЛА

КНИГА 1. ВЕСТА



ЛИЛИЯ ТОЛИБОВА
И ВЕРОНИКА ГОРДЕЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Вероника Гордеева
Лилия Толибова
Корона из костей и
пепла. Книга 1. Веста**

<https://litres.ru/74495109>

SelfPub; 2026

Аннотация

Веста Эккард умерла, сгорев в чёрном пламени Короля Демонов, — и очнулась за четыре года до собственной смерти. У неё есть знание будущего, обожжённые синим огнём руки и год, чтобы всё изменить. Но апокалипсис уже начался: тайные аукционы, заговоры короны, зверолоуд, за которого стоит бороться и люди, которым нельзя не верить. Она соберёт свою армию — принца, полицейского, наёмницу, мага и пантеру - но и мир тоже может поменяться...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Девушка, которой я была	18
Глава 2. Пламя из будущего	32
Глава 3. Чертежи погибшего мира	53
Глава 4. Брату нельзя лгать	72
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Вероника Гордеева

Корона из костей и пепла. Книга 1. Веста

Пролог

Воздух застыл густой взвесью пепла и гари — каждый вдох обжигал лёгкие, словно глотаешь раскалённые угли. Под сапогами хлюпала мерзкая жижа: грязь, кровь, ошмётки плоти — не разберёшь, чья. Монстров? Людей?

Какая, к чёрту, разница. Все мёртвые одинаково воняют.

Я провела рукавом по лицу, смазывая липкую струйку крови, что ползла от виска к подбородку. Брезгливо сплюнула — вкус железа вьелся в язык. Поморщилась, глядя на багровые разводы на ткани.

Привыкнуть к этому аду было невозможно. Хотя три года — срок немалый.

* * *

Три гребаных года назад эта столица утопала в цветах и смехе. Дети носились по мощёным улицам, их визг разносился между белокаменными особняками. Матроны прятались от солнца под кружевными зонтиками, обсуждая последние сплетни на лавочках у фонтанов. Торговцы зазывали поку-

пателей, расхваливая украшения с бархатных подносов. Из кофейен и пекарен тянуло ванилью, корицей и свежим хлебом — так, что слюнки текли.

А теперь?

Теперь здесь пахло только гарью, кровью и разложением. Сладковатый тошнотворный смрад смерти, въевшийся в каждый камень. Столица Империи стала преисподней на земле — и никакие молитвы уже не помогут.

За время, что из разломов повалили орды тварей, полегло столько народу, что счёт сбился. Целые города стёрты с лица земли. Деревни сожжены дотла.

Моя семья... тоже.

Лицо отца всплыло перед глазами — мертвенно-бледное, с запекшейся кровью в уголках губ. Он умирал на моих руках, хрипел что-то, пытаюсь улыбнуться. Я сжала рукоять меча так, что костяшки побелели, загоняя воспоминание обратно в самый тёмный угол сознания.

Нет. Нет времени на это дерьмо.

Нельзя размякнуть. Нельзя остановиться. Мир ещё не сдох окончательно — и пока я дышу, эти твари получают по заслугам.

Каждая. Сука. Из них.

— Тут чисто, — пробурчала я себе под нос, оглядывая квадрат. Трупы монстров дымились, разлагаясь с неестественной скоростью. — Можно валить на следующий участок. Говорили, здоровенный разлом вскрылся у Храма. Да

чтоб вас разорвало разломом, мрази...

Я смачно плюнула в лужу крови у своих ног. Слюна зашипела, будто на раскалённой сковородке.

Но сначала — заправиться. Без глотка чего-нибудь крепкого я просто не подниму этот чёртов меч снова. Руки уже тряслись от усталости, в плече ныла старая рана, а в голове гудело, как в колоколе. Нужно было срочно вылить в себя хоть что-то горячительное, иначе следующий бой станет последним.

* * *

Я развернулась и поплелась к входу в подземелье.

Катакомбы. Кто бы мог подумать, что эта клоака станет последним убежищем человечества? Раньше здесь мучили тёмные делишки — работоторговля, нелегальные бои, притоны для азартных игр. Аристократы спускались сюда за острыми ощущениями, прикрываясь капюшонами.

А теперь тут прячутся все, кто ещё жив.

Впрочем, ненадолго. Скоро твари и сюда доберутся. Это лишь вопрос времени.

Я с силой пнула тяжеленную железную дверь — та распахнулась с протяжным скрежетом. В лицо ударило волной затхлости, гнили и сырости.

Прелесть катакомб во всей красе.

Фонари мерцали тускло, отбрасывая длинные уродливые тени на каменные стены. Метров через триста наткнулась на торговую точку — жалкую тележку, рядом с которой сидели

двое мужиков. Здоровые лбы, каждый с мечом величиной с мою ногу. Оба в грязи и запёкшейся крови — явно с передовой. Сейчас они безучастно пялились в деревянные кружки, будто надеясь найти на дне ответы на все вопросы.

Глаза мёртвые, пустые.

Видела я такой взгляд сотни раз.

Интересно, кем они были до этого кошмара? Может, аристократами — те самые, что ходили в накрахмаленных сюртуках, задирали нос перед простолюдинами, рассуждали о высоком искусстве за бокалом вина?

— Д'рази его за душу.

Я мотнула головой, отгоняя ненужные мысли. Похер. Абсолютно не важно. Главное — они живы. Всё ещё сражаются. Не сдались. А значит, есть смысл продолжать этот спектакль.

Подошла к старику за тележкой. Тот дремал, привалившись к бочонку.

— Эй, дедуль, — окликнула я. — Что там у тебя из горячительного? Кровавая трещина мне в глотку, если не найдётся хоть капли.

Старик вздрогнул, открыл глаза — мутные, усталые.

— Выдохшееся пиво и сидр, милочка, — хрипло проговорил он, кивнув на бочонки. — Больше ничего нет.

— Эх, не густо. — Я почесала грязный невымытый затылок. Когда я последний раз мылась? Неделю назад? Две? — Давай сидр. Что за него нужно? На хлеб махнёшь?

Деньги давно потеряли смысл. Теперь всё менялось на

еду, оружие, лекарства. Бартер — как в древности.

— Погоди-ка, — старик прищурился, вглядываясь в меня.
— Ты ведь воин? За нас кровь проливаешь?

— Ну допустим.

— Тогда бесплатно. — Он улыбнулся — жалкое подёргивание губ, за которым пряталась бездонная печаль. — Для воинов и магов — даром. Вы кровью платите, милая. Это дороже любого золота.

Дедок нырнул за тележку, зачерпнул сидр из бочонка и протянул мне кружку — деревянную, шербатую, но чистую.

— Ничего, дедуль, — усмехнулась я, приняв кружку. — Мы справимся. Всех этих тварей перебьём и заживём по-новому. Как герцогиня Эккард заявляю — я этим мордалыхам яйца в узелки позавязываю! Пусть Король демонов им снится каждую ночь!

Выкрикнула это так громко, что эхо покатилося по тоннелю. Залпом опрокинула кружку — кислятина, но сойдёт. Приятное тепло разлилось по груди, в мышцах появилась хоть какая-то живость.

Мужики на полу дёрнулись, подняли головы. На мгновение в их мёртвых глазах мелькнул огонёк — почти незаметный, но он был. Губы дрогнули в подобии улыбки.

— Герцогиня Эккард? — старик замер, кружка чуть не выпала у него из рук. — Так это вы... Простите, госпожа, не узнал сразу. Рад, что вы живы...

Он попытался поклониться, но я резко перехватила его

плечо.

— Эй-эй, дедуль, о каких манерах речь? — фыркнула я.
— Мир в огне, а ты реверансы разводишь. Тьфу!

Смачно сплюнула — гулкое эхо разнеслось по катакомбам.

— Спасибо за сидр, — проговорила я, слащаво изобразив реверанс, как на балу. — Он был восхитителен, милорд.

Развернулась на каблуках, хихикая. Пора было двигать к Храму — к мясорубке, к крови, к очередной порции ночных кошмаров, которые потом будут снова и снова прокручиваться в голове.

* * *

Добралась как раз к закату.

Небо наливалось кровавыми оттенками — зловещее предзнаменование. Спряталась в полуразрушенном доме, метрах в ста от Храма. Отсюда уже было слышно: вой, рык, предсмертные крики. Металл звенел о металл, плоть хрустела под когтями, кости ломались.

Симфония апокалипсиса.

С наступлением темноты у людей шансы падают почти до нуля. Монстры видят в темноте, как днём. А мы — нет.

Но над Храмом то и дело вспыхивали сполохи магии — синие, зелёные, багровые. Значит, маги там есть. Хорошо. С магами у меня больше шансов выжить. Да и сама я могу поднять купол огня — пусть ненадолго, но этого хватит, чтобы выровнять шансы.

Я злорадно ухмыльнулась, представляя, как моё то синее, то красное пламя пожирает одну тварь за другой. Как они извиваются, визжат, сгорают заживо.

Красивая картинка.

Ладно. Прибухнули — проверено. Пофантазировали — тоже. Пути отступления засекла — есть подземный ход под тем домом слева, прямо в катакомбы. Если что, смоюсь туда.

Пора идти яйца монстрам выкручивать.

Выхватив меч из-за пояса, я рванула вперёд, пересекая площадь перед Храмом.

* * *

Картина была будто из самого худшего ночного кошмара.

Храм Солара — величественный, белоснежный, с золотыми куполами — теперь представлял собой руины. Стены изрыты когтями и магией, витражи выбиты, колонны обрушены. По полуразрушенным стенам ползали монстры — химеры, гарпии, гончие Бездны. Они словно нарочно демонстрировали своё презрение, показывая, что боги бросили нас.

Что никакие молитвы не помогут.

Но это только подстёгивало ярость.

Справа от меня святой рыцарь — весь в сияющих доспехах, с мечом, пылающим божественным светом — увидел, как химера оторвала голову у статуи бога Солара. Голова с короной упала к ногам твари, раскололась. Химера расхохоталась — гнусный, булькающий звук.

У рыцаря в глазах вспыхнул огонь — слепой, безумный.

Он заорал боевой клич и ринулся на химеру, забыв обо всём.

И не увидел гарпию, что пикировала на него сбоку.

Она снесла ему голову одним ударом когтей. Голова в шлеме отлетела в сторону, покатилась по камням. Тело рыцаря рухнуло, из шеи фонтаном хлестала кровь.

Я даже не моргнула.

Привыкла. За три года насмотрелась на такое, что любой кошмар покажется детской сказкой.

Вместо этого собрала всю свою магию — она откликнулась горячей волной в груди — и швырнула её в небо.

Красное пламя взметнулось ввысь, взорвалось ослепительной вспышкой и разлилось куполом над площадью, освещая каждый камень, каждое существо в радиусе тысячи метров. Люди ахнули, обретя надежду. Монстры завизжали, на мгновение ослеплённые и дезориентированные.

Этого мгновения хватило.

Воины ринулись в атаку с удвоенной яростью. Маги обрушили на тварей залпы заклинаний. Площадь превратилась в кровавую мясорубку.

Я билась, как одержимая. Меч в правой руке рассекал плоть, магия в левой сжигала всё, до чего дотянется. В каждом убитом монстре я видела того, кто убил моего отца. Того, кто разорвал Эдвина. Того, кто выпотрошил младшего братишку Лорена — озорного мальчишку, который мечтал стать капитаном корабля.

Я не плакала по ним. Не было времени.

Не было права на слабость.

— ЧЁРТОВЫ КРЫСОЛИСЫ! СМЕРДЯЩИЕ ОГРЫЗКИ
ОГРА! СЕЙЧАС Я ВАМ ЖОПЫ ПОРАЗРЫВАЮ! — взре-
вела я, швыряя сгусток пламени в пасть гончей Бездны.

Тварь взвыла, когда огонь прожёт ей глотку изнутри. Я не
дала ей упасть — подскочила и всадила меч прямо в череп.
Лезвие прошло сквозь кость с хрустом, мозги брызнули на
руку. Выдернула клинок, развернулась — удар справа. За-
блокировала. Ещё один. Ещё.

Меч пел в воздухе, кровь летела веером, обдавая лицо го-
рячими каплями.

Рядом маг призвал ледяные копья — они с визгом прон-
зили трёх гарпий разом, пригвоздив к стене Храма. Другой
воин — здоровенный детина с секирой — раскроил химе-
ру пополам. Внутренности выплеснулись наружу с мерзким
чавкающим звуком.

Но монстров не убывало. На место одного приходило
двое.

Разлом изрыгал их бесконечным потоком.

* * *

Время шло. Солнце село окончательно. Взошла луна —
огромная, кроваво-красная.

Неестественная.

Над руинами Храма возникла тень — нет, не тень. Фигу-
ра. Человеческая по силуэту, но... иная. Словно сотканная
из самой темноты, из ночного кошмара, обретшего плоть.

Он парил в воздухе, и воздух вокруг него дрожал, искажался. Длинные волосы струились, будто живые. Два рога — витые, чёрные, с красными прожилками — венчали голову. Лица не было видно — только тьма и два глаза.

Пылающие. Кроваво-красные, как та луна над нами.

Все — люди, монстры — замерли, глядя вверх.

Я почувствовала это нутром, каждой клеткой тела. Ужас. Первобытный, животный ужас, который заставляет хотеть упасть на колени, зарыться в землю, исчезнуть. Это была не просто сила — это было нечто запредельное, что не должно существовать в этом мире.

Король Демонов.

Его запечатали тысячу лет назад. Шесть величайших героев той эпохи бились с ним месяц без перерыва — и не смогли убить. Святая Ясмина Маркун потратила всю свою божественную силу, чтобы запечатать его в Бездне. После этого она осталась обычным человеком до конца своих дней.

А теперь он здесь.

Свободен.

Как?

Мой рот открылся раньше, чем мозг успел что-то сказать.
— Слышь, дитя Нергала рогатое! — заорала я, задирая голову. — Это дерьмо твоих рук дело?!

Тишина была оглушительной. Все головы повернулись ко мне. Я почувствовала на себе десятки взглядов — недоумевающих, испуганных, восхищённых безумием.

«Веста, да чтоб тебя мордалыха потопчила! Не язык у тебя, а гребаное помело! Когда ты, сырой мертвяк конченный, научишься сначала ДУМАТЬ, а потом рот открывать?!»

Я больно стукнула себя рукояткой меча по башке. Но поздно. Лягнула — не проглотить обратно. Внимание привлекла? Да так, что все в шоке.

Теперь разгребай это дерьмо, умница.

— Ну что же ты повис там, как сопля? — продолжила я, изображая наглую усмешку. — Поговори хоть со мной. Или с муравьями принципиально не общаешься?

Нужно было вывести его на разговор. Узнать, как он вырвался из печати. Может, есть способ загнать обратно. И главное — выиграть время, чтобы люди успели свалить. И самой смыться, конечно.

Жить-то ещё хочется.

Я незаметно скосила взгляд в сторону — дом слева, под ним проход в катакомбы. Если что, рвану туда. План идеален в своей простоте.

А потом я почувствовала его взгляд.

Это было физическое ощущение — будто два раскалённых клинка уперлись тебе в грудь, выжигая дыры. Тяжесть навалилась на плечи, колени подогнулись. Воздуха не хватало.

Монстры замерли. Люди не шевелились, как статуи.

— Человеческому дитя страх невидан, как я посмотрю? — голос прокатился по площади.

Он не кричал. Даже не повышал тона. Но звук вибрировал в костях, отдавался в черепе, словно кто-то бьёт по нему изнутри. Загробный, мёртвый голос. Без эмоций.

Абсолютно пустой — и от этого ещё страшнее.

— Ты либо невероятно отважна, — продолжил он, — либо безнадёжно глупа.

Я сглотнула. Горло пересохло. Сердце колотилось, как бешеное.

— Скорее глупа, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но это не важно. Давай опустим формальности, ладно?

Я развела руками, изобразив показную расслабленность, хотя мускулы были напряжены до предела.

— Мы оба понимаем, что все, кто здесь находится, сдохнут в ближайшие пять минут. Так утолите же моё любопытство перед смертью, милорд. Будете ли вы столь милостивы?

Сарказм капал с каждого слова. Не знаю, знакомо ли этому чудовищу понятие иронии, но сейчас я могла брызгать только ей. Это помогало не завизжать от ужаса и не обоссаться прямо здесь.

Он молчал.

А потом произнёс:

— Твои сородичи меня заточили. Они же и освободили... Люди?! Мы сами его...

Не дав ему закончить, я резко вскинула руку, собирая магию. Нужно было отвлечь его, дать остальным шанс бежать.

Пламя вырвалось из ладони — огромный огненный шар синего цвета, с меня ростом. Воздух задрожал от жара.

Я швырнула его в Короля Демонов изо всех сил.

Шар взмыл вверх, оставляя за собой пылающий след.

Пять метров.

Десять.

Пятнадцать.

И начал рассеиваться. Растворяться в воздухе как дым.

Моих сил не хватило, чтобы даже достать до него.

«Бля».

Я развернулась, чтобы бежать — но замерла.

Потому что увидела пламя Короля Демонов.

Чёрное. Абсолютно чёрное, но одновременно пылающее.

И холодное — я чувствовала этот леденящий жар даже на расстоянии. Оно двигалось, извивалось, как живое.

Голодное. Жадное.

Пламя поглотило остатки моего огня за секунду. И устремилось ко мне.

Я даже не успела крикнуть.

Чёрное пламя накрыло меня целиком — и мир превратился в боль.

Я горела.

Каждая клетка тела выла от агонии. Кожа пузырилась, плавилась, облезала. Мышцы корёжило. Кости трещали от жара. Но при этом — холод. Леденящий, мёртвый холод, который вгрызался внутрь, замораживал кровь в венах.

Я горела заживо и замерзала одновременно.

Не знаю, сколько это длилось.

Секунды? Минуты?

Вечность?

Каждое мгновение тянулось бесконечно. Я хотела кричать — но голоса не было. Хотела умереть — но смерть не приходила.

Я проклинала себя. За слабость. За тупость. За то, что открыла рот. За то, что не смогла защитить их — отца, братьев, всех тех, кто полагался на меня.

«Простите. Прости, отец. Эдвин. Лорен. Я оказалась недостаточно сильной. Я не смогла...»

Тьма поглотила меня.

Глава 1. Девушка, которой я была

— АААААААААА!

Я рывком распахнула глаза — и замерла, не веря тому, что вижу.

Огонь исчез. Боль исчезла. Я лихорадочно осмотрела руки, поднося их к лицу, вертя ладонями перед собой. Ничего. Ни единого шрама от бесчисленных боёв. Ни ожогов. Ни слезшей, обугленной плоти, которую чёрное пламя Короля Демонов превратило в кровавое месиво. Лишь крошечные, едва заметные следы — лёгкие ожоги от собственной магии огня, которые я получала на тренировках.

А сами руки... Они будто помолодели. Кожа гладкая, упругая, без мозолей от рукояти меча, без грубых наростов на костяшках.

Сорвавшись с кровати, бросилась к туалетному столику, припадая к зеркалу.

«Господи...»

Кожа чистая, почти бледная, с россыпью веснушек на носу и щеках. Ни единой морщины. Ни шрама от когтей химеры, что полоснула по лбу в битве за императорский дворец. Ни рваной отметины на подбородке от гарпии.

Ничего.

Я судорожно ощупывала лицо руками, не веря глазам. Пальцы искали привычные рельефы, неровности, следы вой-

ны — но находили лишь гладкую, девичью кожу. Будто тех трёх лет ада не было вовсе.

Волосы... Мои волосы. Огненно-рыжие, густые, с медными и золотистыми переливами, рассыпались по плечам. Длинные — чуть ниже лопаток. Я обрезала их коротко на второй год войны, когда гончая Бездны чуть не задушила меня, намотав пряди на когти. После этого носила стрижку по-мужски: коротко, практично, удобно под шлемом.

А сейчас они снова длинные. Растрёпанные после сна, непослушные, торчат во все стороны — точно такие, какими были тогда.

Лицо юное. Скулы чёткие, но мягкие. Подбородок упрямый, но без той жёсткости, что выточила война. Нос прямой, чуть длинноват.

Глаза — янтарно-золотистые, как у отца. Но в них горел иной огонь. Не тлеющие угли опыта, пережжённые болью и потерями. А яркое, беспокойное пламя молодости.

Я медленно выдохнула, вглядываясь в своё отражение.

Сердце колотилось так, будто вот-вот выпрыгнет. Я села на кровать и обвела взглядом комнату — свою старую спальню в замке Экард, с балдахином и видом на Сад Пламенной Розы. Ту самую, что сгорела на второй год войны.

— Неужели этот ублюдок поместил меня в какую-то иллюзию? — пробормотала я.

ТЬфу.

Машинально сплюнула — и тут же осознала, что это не

земля боевого лагеря, а роскошный шёлковый ковёр посреди моей комнаты. Персидский. Ручной работы. Стоит как три боевых коня.

— Вот же ты, Веста, чудила, — бурчала я, стягивая покрывало с кровати. — Совсем одичала, блять.

Упала на колени, яростно вытирая плевков тканью. Руки тряслись. В голове бушевал хаос — мысли налетали, сталкивались, разлетались осколками.

Иллюзия? Предсмертная галлюцинация? Или...

Или хуже. Гораздо хуже.

— Госпожа Вестия, вы в порядке?

Я замерла.

Этот голос.

До боли знакомый. До тошноты ненавистный. Голос человека, который просто обожал стучать на меня отцу, превращая и без того несладкую жизнь в настоящий ад.

Но сейчас — именно сейчас — я была безумно рада его слышать.

Дверь тихо приотворилась, и в комнату скользнула Агата Шварц.

Женщина сорока лет, сухощавая, будто вобрала в себя всю строгость мироздания. Тёмные волосы стянуты в тугий пучок, ни единого выбившегося волоска. Карие глаза — холодные, осуждающие, полные вечного неодобрения. Поджатые губы — казалось, она родилась с этим выражением лица. Серое платье, белый воротничок, связка ключей на поясе.

Идеальная слуга технически. Эмоционально — ледышка. Отец назначил её моей старшей камеристкой специально — следить, докладывать о каждой «странности». Агата считала меня позором рода, а я её ненавидела. Взаимная антипатия в чистом виде.

Её взгляд скользнул по мне, задержался на одеяле в моих руках, на мокром пятне на ковре.

— Леди Вестия, — голос стал вызывающе осуждающим, — что вы уже натворили?

Мне было плевать.

— Агата! — я бросила одеяло и кинулась к ней. — Я так рада тебя видеть!

Повисла на шее ошарашенной женщины. Та чуть не рухнула от неожиданности, попятилась, пытаюсь сохранить равновесие.

— Л-леди Вестия! — она задыхалась, будто я душила её. — Ваше поведение... кхм-кхм... совершенно недопустимо для леди вашего ранга!

— Да-да-да, — отпустив её, отступила на шаг. — Бла-бла-бла, недопустимо, неприлично, позорище. Знаю-знаю.

Вся моя радость испарилась за секунду. Эта женщина одной фразой магическим образом убила любые тёплые чувства. Впрочем, ничего нового.

Я схватила её за руки — Агата вздрогнула, глаза расширились.

— Какой год, Агата? — выпалила я, сжимая её запястья.

— Какой, блять, год?!

— Э-м... — на лице камеристки отразилось искреннее недоумение. Наверняка решила, что взбалмошная младшая дочь герцога окончательно спятила. — 21 июня 1216-й год Эры Могущества, госпожа.

1216-й.

За четыре года до моей смерти.

За год до начала апокалипсиса.

— Спасибо, Агата, — выдохнула я, разжимая пальцы. — Можешь идти.

— Но, леди, вам нужно...

— Я СКАЗАЛА ИДИ!

Рывкнула так, что женщина физически отпрянула, побледнела. На секунду в её глазах мелькнул неприкрытый страх. Она развернулась и поспешно вышла, плотно прикрыв дверь.

Тишина.

Я стояла посреди комнаты, тяжело дыша. Сердце колотилось, как бешеное. В ушах звенело.

1216-й год.

Я вернулась. Не иллюзия. Не галлюцинация. Я реально вернулась на четыре года назад.

— Как ты это провернул, рогатый ублюдок? — выдохнула я в пустоту.

Ответа, разумеется, не последовало.

Ноги подкосились. Я опустилась на край кровати, уткну-

лась лицом в ладони.

Чёрное пламя Короля Демонов. Та нечеловеческая боль. Смерть — я умерла, я это точно знаю. А потом... пустота. И пробуждение здесь.

Магия времени? Но это невозможно. Все великие маги утверждали, что время нельзя повернуть вспять. Можно замедлить, ускорить, заморозить на мгновение — но не отмотать назад.

Или... месть? Его месть? Король Демонов мог...

Если я действительно вернулась — знания не должны сгореть вместе с эмоциями. Я метнулась к столу, схватила перо, придвинула чистый лист.

Писала быстро, коряво, пока память не начала стираться, размываться, как всегда бывает со снами:

Лето 1216 — первые мелкие разломы.

Март 1217 — пропадёт эльфийский маг из Академии, тело не найдут.

21 июня 1217 — солнцестояние. Разломы откроются одновременно в семи точках Империи, один — в получасе от нашего замка.

Барон Кресс — предаст герцогство, откроет ворота крепости демонам ради спасения своей шкуры.

Отец погибнет, прикрывая отступление, — но не в 1217-м, позже, если ничего не изменить.

Спрятала лист за gobеленом, в старой нише с дневниками. Руки всё ещё дрожали, но теперь хотя бы было с чего начинать — не с истерики, а с плана.

Тело — вот что нужно проверить следующим. Знания без силы ничего не стоят.

— Тренировки, — пробормотала я, глядя в потолок. — Мне жизненно необходимо начать тренироваться. Прямо сейчас.

Но тут же вспомнила — осознание обрушилось, как ушат ледяной воды.

Сейчас ещё важны манеры. Отец не даст мне полноценно тренироваться с мечом и магией. Для младшей дочери герцога это неприлично. Я должна вышивать, танцевать, учиться управлять хозяйством. Боевая подготовка — только базовая, для самообороны, раз в неделю.

— Этот сраный этикет! Да чтоб его разорвало разломом! — взревела я, вскакивая. — Святошья гниль, а не манеры! В будущем они никак не помогают мочить монстров! Благодаря им я смогу лишь пощекотать их вилочкой за ушком, перед тем как они отгрызут мне голову!

Плюнула от злости — и тут же виновато вытерла слюну носком.

— Давай, Веста, думай, — я прошлась по комнате, нервно теребя прядь волос. — Не будь туманной головой. Стандарт-

ной утренней тренировки хватит, чтобы проверить уровень моих навыков сейчас. А основные... основные буду проводить тайком. В восточной башне. На рассвете или после заката.

План начал формироваться.

Я глянула на часы — огромные напольные, с маятником.

Половина девятого.

— Чёрт! Опаздываю!

Схватила колокольчик со столика, яростно зазвонила. Через минуту в дверь просунулась голова молоденькой горничной — перепуганная, с круглыми глазами.

— Тренировочный костюм! Живо! — рявкнула я.

Девчонка пулей вылетела из комнаты.

* * *

Тренировочный костюм сидел непривычно свободно на теле, которое ещё не знало ни одного настоящего боя. Я почти бежала через двор, злясь на себя за опоздание — привычка из прошлой жизни, где любая задержка стоила чьей-то жизни.

Капитан Рауль ждал на полигоне, скрестив тяжёлые, будто вылитые из чугуна, руки.

— Опаздываете, леди Веста, — буркнул он, не глядя на меня, поправляя перевязь. Шрамы на его правом предплечье белели на солнце — старая история о том, как он закрыл отца от удара пятнадцать лет назад, всплыла в памяти сама собой, без нужды в пересказе.

— Задержалась, — коротко бросила я, беря тренировочный меч со стойки.

Легкий. Слишком легкий. Пальцы сомкнулись на рукояти — и тело вспомнило, каким должен быть настоящий вес клинка, а этот ощущался как палка для отбивания мух.

— Прошу простить мою грубость, капитан, — проговорила я, стараясь подбирать слова аккуратно, — но этой зубочисткой я сражаться не могу. Позвольте сменить оружие.

Как же тяжело подбирать слова. Отвыкла от всей этой помпезности. За три года войны речь огрубела — матом, приказами, короткими фразами. Светские обороты вылетели из головы.

Рауль вскинул бровь — недоумение читалось без слов.

Так и хотелось ляпнуть что-нибудь едкое, добавить сарказма. Но я стойко держалась, повторяя про себя мантру:

«Веста Эккард, спрячь яйца, они тебе не по рангу. Ты ле-ди. Ле-ди. Пока что.»

— Возьми мой.

Я обернулась. Отец стоял у барьера, протягивая мне свой меч — тот самый, тяжёлый, с идеальным балансом. На миг наши пальцы соприкоснулись, когда я принимала рукоять из его руки.

Тепло. Живое тепло чужой ладони.

Я умерла, держа за руку остывающее тело отца. А сейчас его пальцы были горячими, сильными — и от этого простого прикосновения к горлу подкатил ком, будто там застряло

что-то, чему нет названия. Я быстро отступила, пряча лицо за суемой — перехватом рукояти поудобнее.

— Благодарю, — только и выговорила.

Развернулась, возвращаясь к капитану Раулю. Приняла боевую стойку — ноги на ширине плеч, вес на носках, меч в правой руке, левая свободна для магии.

— Ну что, — выпалила я, ухмыляясь, — попляшем, петушок? Тьфу.

И снова мой язык смолел раньше, чем мозг успел включиться.

Повисла тишина.

Сзади раздался громкий, тяжёлый вздох отца.

Капитан Рауль покачал головой, лицо стало каменным.

«Молодец, Веста. Отличное начало. Леди, мать её.»

— Приношу извинения, — я постаралась изобразить смущение, — но мы пришли сражаться или языком молоть?

Не дав капитану шанса ответить, ринулась вперёд.

Тело откликнулось само: диагональный удар, разворот, ложный выпад. Мышечная память трёх лет войны вела руки — но кисть предательски дрожала от непривычной тяжести клинка, а лёгкие уже жгло после нескольких резких движений.

Рауль среагировал мгновенно — опыт сработал. Вскинул меч, заблокировал мой удар. Металл звякнул о металл, искры брызнули.

Обернувшись вокруг своей оси, отскочила в сторону — и

тут же атаковала снова. Диагональный удар справа налево, целясь в шею.

Блок. Он легко отбил атаку, контратаковал — быстрый выпад в корпус.

Отклонилась, лезвие просвистело в сантиметре от груди. Отступила на два шага, меняя дистанцию.

— Неплохо, леди Веста, — голос капитана ровный, спокойный. — Но предсказуемо. Классическая школа Эккард. Попробуйте добавить...

Я не стала слушать.

Рванула вперёд, замахнулась горизонтальным ударом — он приготовился блокировать. В последний момент я присела, ушла в подсечку. Нога прошла по голням капитана, подкосив его.

Рауль охнул, теряя равновесие, начал падать. Я использовала этот миг — вскочила, развернулась, ударила рукояткой меча ему по запястью. Его клинок выпал из ослабевших пальцев.

Наставила остриё ему под горло.

Три секунды. Бой закончился за три секунды.

— Это... — он задыхался, глядя на меня снизу вверх, — это не техника дома Эккард.

Я тоже задыхалась — куда сильнее, чем следовало после трёх выпадов. Руки тряслись уже не от адреналина, а от настоящей слабости — этому телу шестнадцать лет, и оно никогда не держало боевой клинок дольше пяти минут кряду.

Рисунок движения есть. Силы, дыхания и связок — нет, — мелькнула трезвая мысль. Прошлый опыт дал мне тактику. Не тело.

— Подсечка? — выдавил он. — Это... это не благородная техника. Это дворовая драка, леди Веста!

— Но эффективная, — парировала я, убирая меч. Протянула руку, помогая ему подняться. — Мёртвому рыцарю плевать на благородство, капитан.

— Леди Веста! — он вскочил, отряхивая штаны, лицо покраснело. — Ваш отец...

— Продолжайте, капитан, — голос герцога прозвучал властно.

Я обернулась. Отец стоял у края барьера, скрестив руки на груди. Лицо непроницаемое.

— Но, милорд, — Рауль растерянно посмотрел на него, — это грязный приём! Леди Веста использовала...

— Эффективный приём, — перебил его отец. — Продолжайте.

Капитан открыл было рот, но промолчал. Кивнул, поднял меч.

— Как прикажете, милорд.

Развернулся ко мне. Теперь в глазах горела злость. Задетое самолюбие. Его только что уложила на лопатки шестнадцатилетняя девчонка позорным приёмом.

Это надо исправить.

— Ещё раз, леди Веста, — процедил он сквозь зубы. — И

на этот раз я не буду церемониться.

— Отлично, — я усмехнулась, приняла стойку. — Мне так больше нравится.

Он атаковал первым — размашисто, зло, без пауз. Я блокировала первый удар — плечо взорвалось острой болью, будто связки не выдержали резкой нагрузки. Второй блок дался ещё тяжелее — руки предательски заныли, хватка на рукояти ослабла.

Третий удар я пропустила.

Плоский удар тренировочной кромкой пришёлся по рёбрам — не по-настоящему, вполсилы, но меня отбросило назад, и я упала на одно колено, хватая ртом воздух. В глазах потемнело, лёгкие горели, будто я пробежала милю в полной броне.

— Достаточно, — выдохнула я, поднимая раскрытую ладонь. — На сегодня хватит.

Рауль замер, тяжело дыша, глядя на меня сверху — растерянный, злой, но уже без прежнего снисхождения.

— Первый раз вы двигались как воин, — процедил он. — Второй раз — как раненый щенок. Как это возможно, леди Веста?

Ответа у меня не было. Вернее — был, но озвучивать его вслух означало признать себя безумной.

* * *

Отец подошёл, когда Рауль, поклонившись, уже покидал полигон. Остановился в трёх шагах, скрестив руки на груди,

и долго молчал, разглядывая меня — растрёпанную, задыхающуюся, со сбитым дыханием и трясущимися от слабости пальцами.

Но взгляд я выдержала. Не отвела глаза, как раньше. Не опустила голову, как положено послушной дочери.

Смотрела прямо. По-равному.

Брови отца приподнялись на миллиметр.

— Ты выполнила приём, которому я не учил ни одного бойца в этом доме, — сказал он наконец, медленно, будто взвешивая каждое слово. — А через минуту не смогла удержать блок против собственного капитана.

— Книги, — соврала я. — Читала трактаты по боевому искусству. Из вашей библиотеки. Тайком, — добавила честно.

Не совсем ложь. Я действительно таскала книги.

— Книги, — повторил он медленно. — Книги не научат подсечкам. Книги не дадут рефлексы. То, что ты продемонстрировала — опыт. Реальный боевой опыт.

Я молчала, не зная, что соврать на этот раз.

Отец шагнул ближе, и в его янтарных глазах — тех самых, что я в последний раз видела гаснущими у себя на руках, — вспыхнуло что-то тяжёлое, почти пугающее.

— Моя дочь не умеет так держать меч, — тихо произнёс он. — Кто ты?

Глава 2. Пламя из будущего

Весь вчерашний день прошёл как в тумане — я словно призрак бродила по замку, вспоминая. Тайные ходы, потайные комнаты, лазейки в стенах. Каждый проход, дверь, подземный туннель, о котором знали только старшие члены семьи. В прошлой жизни эти знания пришли слишком поздно — когда замок уже горел, когда уже некого было спасать.

Сейчас я методично прочёсывала все уровни, отмечая маршруты эвакуации. Когда всё начнётся, я выведу отсюда всех, кто дышит.

К счастью, братья уехали в столицу вчера утром и вернутся только к вечеру. Я точно не была готова к встрече с ними.

Сегодня я проснулась по привычке прошлой жизни — за полтора часа до рассвета.

Тело дёрнулось, глаза распахнулись в полной темноте, сердце забилося в боевом ритме. Три года такого пробуждения — когда каждое утро может быть последним, когда тревога звучит в любой момент — выработали рефлекс. Организм просыпается мгновенно, готовый драться или бежать.

Пролежала несколько секунд, тяжело дыша, вслушиваясь в тишину. Никаких криков. Никакого запаха гари.

Скинув одеяло, встала. Ноги сами понесли к окну. Выглянула — небо чернильно-чёрное, усыпанное звёздами. До рассвета ещё час, может, чуть меньше. Замок спит.

Идеальное время.

Недолго думая, переделалась в тренировочный костюм — тёмный, удобный, не стесняющий движений. Прихватила перчатки — пригодятся.

И направилась в восточную башню.

* * *

Покои нашей семьи располагались на третьем этаже западного крыла — отец занимал целый сектор, мы с братьями жили по соседству. Восточная башня находилась на противоположной стороне замка, соединялась с основным зданием крытым переходом на уровне четвёртого этажа.

Идеальное место для скрытых тренировок. Туда почти никто не ходит — разве что отец, когда проводит эксперименты с магией. Но в такую рань? Нет, он ещё спит.

Переход в башню охранялся кровным замком рода — приложила ладонь, выпустила каплю маны, дверь беззвучно открылась.

Только у самого порога я вспомнила то, что раньше пропустила мимо ушей: рядом с замком, в нише стены, тускло горела тонкая рунная полоса — журнал активации. Каждое открытие двери, каждый час, проведённый внутри, ложился туда невидимой строкой, которую при желании мог прочитать управляющий домом.

Отец узнает, что я здесь была. Вопрос только — когда именно он захочет это прочитать.

— Плевать, — пробормотала я и пошла наверх.

Первый уровень — лаборатория огненной магии. Заперты только два шкафа: в одном — запретные формулы, в другом, судя по печати, что-то, чего отец сам боится. Я запомнила расположение и пошла дальше.

Второй уровень — библиотека гримуаров. Часть полок за решёткой, доступ только с разрешения отца. Мысленно отметила себе: вернуться сюда с ключом, как только он появится.

Третий уровень — медитационная комната с усилительным кругом из серебра и огненных кристаллов. Слишком сильна для непривычного тела — воздух там плотный настолько, что дышать тяжело от одного порога. Не сейчас.

Четвёртый — обсерватория. Открытая площадка под куполом, звёзды над головой, ветер свободный.

Здесь.

Четвёртый уровень — верх башни. Астрономическая обсерватория. Телескоп стоит в центре, направленный в открытый купол. Звёзды сияют над головой — яркие, холодные, равнодушные.

Открытая площадка под куполом — метров десять в диаметре. Каменный пол, невысокие перила по краю. Ветер гуляет свободно, треплет волосы, остужает разгорячённую кожу.

Идеальное место.

Я вышла на площадку, огляделась. Темнота начала отступать — на востоке небо посветлело, окрасилось серо-синими

тонами. До рассвета минут двадцать.

Достаточно.

Я стянула перчатки, скинула лёгкую куртку. Размялась — руки, ноги, шея, спина. Мышцы затёкшие, слабые. Это тело ещё не знает войны. Не знает изматывающих маршей, бессонных ночей, бесконечных битв.

Но научится. Очень скоро.

— Ладно, Веста, — пробормотала я себе под нос, — покажи, на что способна эта тушка.

Первое, что должен помнить любой огненный маг, прежде чем тянуться выше своего потолка, — это оболочка. Тонкий кокон маны вокруг тела, который держит жар внутри контура, а не снаружи. Без неё пламя сжигает не только цель — оно сжигает заклинателя вместе с воздухом вокруг него. С оболочкой платишь только в одной точке — там, где мана выходит наружу.

В руках. Всегда в руках.

Мне это вдолбили ещё в первый год войны — конкретно, без сантиментов: держи оболочку, или сгоришь сама раньше монстра.

Приняла стойку — ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, вес на носках. Руки свободно опущены вдоль тела.

Глубокий вдох. Выдох.

Концентрация.

Закрыв глаза, нырнула внутрь себя. Там, в центре груди, пульсировал источник — ядро маны, средоточие моей силы.

Сейчас оно маленькое, тусклое, слабо пульсирующее. В прошлой жизни, на пике, оно разрослось, пылало ярко-синим светом.

Нужно снова достичь того уровня. И превзойти.

Я потянулась к источнику мысленно, коснулась. Тепло разлилось по венам, мана откликнулась жадно, радостно. Огонь — моя стихия, моя суть. Мы с ним одно целое.

Вытянула правую руку вперёд, раскрыла ладонь.

— Зажгись, — прошептала.

Пламя вспыхнуло над ладонью — небольшое, красно-оранжевое, танцующее. Обычное пламя рода Эккард. Температура около тысячи градусов. Достаточно, чтобы поджечь дерево, расплавить свинец.

Но недостаточно для настоящей битвы.

В прошлой жизни я достигла синего пламени. Температура от тысячи шестисот градусов и выше, на пике концентрации — две тысячи. При такой температуре плавится сталь, испаряется плоть, рушатся магические щиты.

Мастера вроде отца достигают бело-золотистого пламени — до тысячи четырёхсот градусов. Это считается вершиной для огненных магов.

Но синее — выше. Опаснее. Смертоноснее.

И я уже достигала его однажды.

Значит, достигну снова.

— Контроль, — пробормотала я, глядя на огонёк. — Концентрация. Слияние.

Техника основана на сверхконцентрации маны и кислорода. Нужно создать локальную область с повышенным содержанием кислорода, затем поджечь сверхсжатой маной.

Эту технику открыла только на третий год войны — случайно, в бою, когда я оказалась прижата к озеру. Задыхалась, хватала ртом воздух, собирала последние остатки сил. И тогда что-то щёлкнуло в голове — вода содержит кислород. Если разложить её магией, высвободить кислород, сжать его вокруг пламени...

Результат превзошёл ожидания. Виверна, что пыталась меня убить, сгорела за три секунды. От неё остался только обугленный скелет.

После этого я тренировалась, совершенствовала технику. На момент смерти владела ею почти идеально.

Почти.

Ошибка — и огонь пожирает заклинателя. Я видела, как это случилось с Рутом, одним из магов нашего отряда. Он попытался создать синее пламя, не рассчитал концентрацию. Огонь вспыхнул, вырвался из-под контроля, поглотил его целиком. Мы даже не успели закричать. Через пять секунд от него осталась горстка пепла.

С тех пор я была предельно осторожна.

Сейчас нужно вспомнить ощущения. Вернуть контроль.

Я сосредоточилась на пламени в ладони. Медленно начала сжимать ману, уплотнять её. Огонь становился ярче, жарче. Красный переходил в оранжевый, оранжевый в жёлтый....

Но дальше не шло.

— Кровавая трещина мне в глотку, — выдохнула я сквозь зубы. — Давай, Веста. Ты делала это сотни раз!

Сжала сильнее. Пламя затрепетало, начало менять оттенок — жёлто-белый, почти...

Рассыпалось.

Я охнула, качнулась. Мана откатила болезненной волной, ударила изнутри. В висках застучало, перед глазами поплыли чёрные точки.

— Сука! — рывкнула я, ударяя кулаком по перилам. — Слабая! Жалкая!

Недостаточно маны. Недостаточно контроля. Это тело ещё не готово.

Но я не сдамся.

— Ещё раз, — прорычала я. — Марш, Эккард! Не будь копьём без острия! Задание не выполнено!

Снова вытянула руку. Снова зажгла пламя.

Сжимала. Уплотняла. Пот выступил на лбу, руки задрожали.

Жёлтый... белый... почти...

Рассыпалось.

Боль пронзила ладонь — кожа обожглась. Я зашипела, но не отступила.

— Ещё!

Снова.

И снова.

И снова.

— Давай, Рэйчел, ты справишься! Не будь щитогрызом!
— прокричала я в пустоту, не замечая, что назвала несуществующее имя. Рэйчел, воин из моего отряда, погибла полтора года назад. — Держи строй! Концентрация!

Пламя вспыхивало и гасло. Вспыхивало и гасло.

Руки покрывались ожогами — волдыри вздувались, лопались, кожа краснела, облезала.

— Последний раз, — прохрипела я. — В последний раз, Веста. Давай. Вспомни.

Закрыла глаза. Отпустила всё лишнее — боль, усталость, разочарование. Осталась только суть.

И тогда всплыло воспоминание.

Чёрное пламя Короля Демонов.

То, что пожрало меня. Убило. Уничтожило.

Я вспомнила не цвет. Не форму. Не жар или холод.

Вспомнила суть.

Пламя — это не просто химическая реакция. Не просто выделение тепла. Это трансформация. Преобразование материи в энергию. Это разрушение одного и рождение другого. Это смерть и жизнь одновременно.

Нужно не управлять огнём.

Нужно становиться им.

Я открыла глаза.

Вытянула обе руки вперёд, сплела пальцы в особый жест — техника, которую я видела в одном из гримуаров второго

уровня. Тогда не поняла смысла. Теперь понимаю.

Вдохнула глубоко, набирая не просто воздух, а сам кислород. Мысленно разложила его, отделила от азота, сконцентрировала вокруг рук.

Выпустила ману — не потоком, а тонкой, сверхплотной нитью. Игла, а не молот.

И подожгла.

Пламя вспыхнуло.

Красное. Оранжевое. Жёлтое. Белое.

И синее.

Синее.

Оно горело между ладонями — маленький сгусток, ярче любого пламени, что я вызывала этой ночью, жарче того белого, каким отец гордился как вершиной мастерства. Камень под ногами задымился.

Оболочка держала. Держала комнату. Держала лёгкие.

Не держала руки.

Кожа на ладонях обугливалась, я чувствовала запах горелого мяса — своего собственного.

Но держала. Секунда. Две. Три.

Четыре. Пять. Шесть.

Контур треснул. Пламя вырвалось вверх, я отпустила его и упала на колени, хватая воздух ртом.

— Получилось, — прохрипела я, глядя на свои изуродованные руки. — Блять... получилось.

Шесть секунд. Всего шесть секунд я смогла удержать си-

нее пламя.

В прошлой жизни, на пике, я держала его минутами. Формировала сгустки размером с человека. Швыряла их, как снаряды, сжигая монстров десятками.

Но это было потом. После трёх лет тренировок, боёв, отчаяния.

А сейчас я вернулась к началу.

И прошла первый шаг.

— Шесть секунд, — повторила я, медленно поднимаясь. Ноги подкашивались, голова кружилась от боли и истощения маны. — В следующий раз будет десять. Потом двадцать. Потом минута.

Я посмотрела на восток. Небо окрасилось розово-золотистыми оттенками. Солнце вставало, разгоняя тьму.

Рассвет.

Я подняла обожжённые руки к небу, сжала их в кулаки, не обращая внимания на вспышки боли.

— Я вернулась, — прошептала. — И на этот раз всё будет иначе.

Спускалась, прижимая руки к груди, стараясь не задеть перила — каждое касание отдавалось в ладонях новой волной боли. Мазь, бинты, попытка сделать так, чтобы к завтраку это выглядело как случайный бытовой ожог, а не то, чем было на самом деле.

* * *

Лёгкий стук в дверь — и в комнату просочилась моло-

денькая горничная. Лет шестнадцати, круглолицая, с вечно испуганными глазами.

— Леди Веста, завтрак подадут через час, я уже набрала ванную...

Я даже не дала ей договорить. Встала и направилась в соседнюю комнату — мою личную ванную. Нечего слушать, что она там ещё выпалит. Я и так знала предстоящий ритуал. До мельчайших деталей. Каждый мучительный этап.

И ненавидела его до глубины души.

Сначала ванная с ароматическими маслами — потому что блядская леди должна благоухать, как сраный цветок. Потом макияж — румяна, пудра, помада, вся эта дребедень. Потом причёска — эти упёртые женщины будут пытаться укротить мои кудри шпильками. Пустая трата времени и сил, потому что они по обыкновению всё равно повылезают к обеду. Строптивые, как хозяйка.

Я невольно усмехнулась своим мыслям.

А после — самое весёлое. Изнурительное запихивание моего тела в тиски корсета и натягивание тяжёлой, неудобной юбки. Не дай бог сегодня меня утянут так, что сиськи будут в миллиметре от свободного выгула. В этот раз точно поубиваю этих безмолвных болванок.

* * *

Так всё и происходило. Точно в том порядке, что я помнила.

Ванная — горячая, ароматная, расслабляющая. Я лежала

в воде, пытаюсь не думать о том, что через год такая роскошь станет невозможной. Что я буду мыться из ведра холодной водой раз в неделю, если повезёт.

Макияж — горничные колдовали над моим лицом, тыкали кисточками, мазали какой-то хренью. Я сидела с каменным лицом, мысленно считая до ста, чтобы не схватить одну из них за руку и не сломать.

Причёска — две девицы атаковали мои волосы с двух сторон. Гребни, шпильки, ленты. Кудри сопротивлялись героически. Я мысленно болела за них.

А потом началась экзекуция.

Корсет.

— Если ты ещё раз коснёшься моей титьки, я тебе руку отгрызу, катакомбная мразь! — рявкнула я, когда одна из горничных в очередной раз попыталась утрамбовать мою грудь в корсет.

Они перетянули шнуровку так, что дышать было невозможно. Рёбра трещали. Лёгкие требовали воздуха. А эти дуры пытались ещё и грудь запихнуть так, чтобы она не выскакивала.

Горничная побледнела, попятилась.

— Госпожа Веста, — голос Агаты прозвучал ледяным укором, — ваше поведение недопустимо. Если вы продолжите в том же духе, я вынуждена буду сообщить об этом герцогу.

Я медленно развернулась к ней.

— Тогда пусть расслабят корсет, — процедила я сквозь зубы, — вместо того чтобы лапать мою грудь, как на скотном рынке.

Агата не дрогнула. Даже бровью не повела. Просто смотрела своими холодными карими глазами, полными осуждения.

И проигнорировала замечание.

Горничные продолжили затягивать корсет.

Я стиснула зубы, чтобы не заорать матом на всю комнату.

* * *

К столовой я почти бежала — отец ненавидел опоздания. У дверей едва не столкнулась с Себастьяном. Мажордом замка Эккард.

Шестьдесят семь лет, высокий, худощавый, абсолютно прямой — будто вместо позвоночника у него стальной прут. Седые волосы зачёсаны назад, аккуратная седая борода клинышком, серые глаза за тонкими очками в золотой оправе. Безупречный чёрный фрак с серебряными пуговицами, белоснежная рубашка, белые перчатки.

Он двигался бесшумно как призрак. Появлялся из ниоткуда. Всегда в нужном месте в нужное время.

Служил Эккардам сорок лет — начинал ещё слугой при деде отца. Знал все секреты замка, всю грязь семьи. И хранил абсолютно. Характер невозмутимый, педантичный до маниакальности, с тонкой иронией, которую он тщательно скрывал.

Управлял замком железной рукой в бархатной перчатке.

Сейчас он стоял у дверей столовой, держа руку на ручке. Видел, что я задыхаюсь, что мне нужна секунда перевести дыхание.

И всё равно открыл дверь.

Сука.

Когда я поравнялась с ним, невзначай наступила каблучком ему на ногу. С силой.

Его лицо не дрогнуло. Даже бровью не повёл.

Но я знала — он почувствовал.

— Пардон, — выпалила я, изображая смущение. — Искренне извиняюсь за столь серьёзную провинность. Надеюсь, зла на меня держать не будете. Боюсь, от сна не до конца пробудилась.

— Веста Эккард. Сядь, — оборвал мой маленький спектакль отец из-за стола.

Я замолчала на полуслове и юркнула в столовую.

* * *

Семейная столовая была одним из немногих мест в замке, где чувствовалось подобие уюта.

Овальный стол из тёмного дерева на двенадцать персон — сейчас накрыт только на два места, для меня и отца. Братья ещё не вернулись из столицы.

Камин вдоль стены. Большие окна, через которые лился утренний свет. Портреты предков на стенах — все с одинаковыми янтарными глазами, все строгие.

Более личная атмосфера, чем в парадных залах. Здесь семья обедала, когда не было официальных приёмов.

На столе уже было накрыто — овощи, фрукты, свежий хлеб, салат, суп. Простой завтрак, по меркам аристократов.

Раньше я бы взвыла от такого скудного меню. Потребовала бы пирожных, сладостей, горячего шоколада.

Сейчас, пройдя голод и холод, это выглядело как пир.

Я была готова есть руками.

Отец сидел во главе стола, аккуратно накладывал себе салат — два листа, два кусочка огурца. Ел размеренно, не торопясь, соблюдая идеальные манеры.

Я плюхнулась напротив и схватила вилку.

— Веста, — голос отца прозвучал тихо, но в нём чувствовалась сталь. — Твоё поведение недопустимо. Агата сообщила, что ты угрожала горничным.

— Настучала уже, крыса, — пробурчала я себе под нос, накалывая помидор.

УДАР.

Отец стукнул кулаком по столу — так сильно, что приборы подпрыгнули и звякнули друг о друга. Бокалы зазвенели. Я вздрогнула, чуть не уронив вилку.

— Прошу прощения, отец, — поспешно выпалила я, опуская взгляд. — Возможно, я действительно повела себя грубо. Но прошу меня понять — на то были веские причины.

Как же меня раздражало, что каждое слово нужно осмыслить и примерить, прежде чем произнести.

Светская болтовня вылетела из головы к концу первого года войны.

— Посмотри на себя, — проговорил отец медленно. — Как ты сидишь!

Я моргнула, перевела взгляд на себя.

Сидела, откинувшись на спинку стула и раскинув ноги. Поза солдата в редкие минуты отдыха — расслабленная, удобная, абсолютно неприличная для леди.

— Простите, — пробормотала я, сделав вид, что смущаюсь.

С усилием сдвинула ноги, выпрямила спину, сложила руки на коленях. Склонила голову, изобразив раскаяние.

— Простите, отец.

Герцог Рейнхард смотрел на меня долго, изучающе. Лицо каменное, но я видела — с каждой секундой он багровел всё сильнее.

Особенно когда я начала есть.

Я старалась. Честное слово, старалась. Держала вилку правильно, резала ножом аккуратно, не чавкала.

Но скорость... Скорость выдавала.

Я уплетала, как голодный зверь. Потому что была голодным зверем — три года войны научили есть быстро. Никогда не знаешь, когда прервут тревогой. Никогда не знаешь, будет ли еда завтра.

Хватай, что дают, жри быстро и благодари богов.

— Веста!

Рык отца заставил меня замереть с вилок на полпути ко рту.

«Блять».

Я по привычке чуть не плюнула прямо под стол. Слава богам, почувствовала его взгляд — тяжёлый, янтарный, пылающий — и успела остановиться.

Сглотнула слюну.

— Я так понимаю, — проговорил отец ледяным тоном, — все уроки этикета прошли для тебя даром.

Пауза.

— С завтрашнего дня ты возвращаешься к учёбе. Будешь ходить на все теоретические занятия вместе с Лореном.

Я аж побагровела.

— Отец, я всё это знаю!

— Знать и применять — разные вещи, Веста, — оборвал он. — И пока ты мне действиями не докажешь обратное, обязана присутствовать на всех занятиях.

Он поднялся из-за стола, аккуратно промокнул губы салфеткой.

— Завтрак окончён.

И ушёл. Даже не выслушал. Не дал шанса объясниться.

Хотя... В нашем доме герцогу не перечат. Вряд ли я смогла бы его переубедить, даже если бы он дал мне этот шанс.

Дверь закрылась за ним.

Я сидела, глядя на недоеденную тарелку.

— Вот же дитя Нергала проклятое! — выругалась я и за-

мерла, почувствовав взгляд.

Себастьян Вайсс стоял у двери, держа поднос с пустыми тарелками. Смотрел на меня своими серыми глазами за тонкими очками.

Невозмутимо. Но я поклялась бы — в глубине мелькнула искра иронии.

«Да блять, что за день».

Его взгляд на секунду задержался ниже моего лица — на рукавах, где из-под манжет выглядывал край свежего бинта, пропитанного мазью с характерным резким запахом. Я быстро одёрнула рукав.

Он ничего не сказал об этом. Только чуть наклонил голову, будто отметил что-то для себя и решил, что говорить об этом сейчас не время.

— Лист салата попался горький, — выпалила я.

— Разумеется, леди Веста, — ответил он ровно. — Я распоряджусь, чтобы повара тщательнее отбирали салат. Хотя, — добавил он, и в глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку, — мне казалось, что горечь обычно вызывает гримасу, а не столь колоритные эпитеты. Но что я понимаю в ботанике.

Он поклонился и двинулся к двери — и остановился на пороге.

— Позволю себе дать совет, леди Веста, — произнёс он тише. — Горничная Марта — племянница капитана Рауля. Он был бы огорчён, узнав о подобном обращении с ней.

— Услышала...

— Агата Шварц докладывает герцогу обо всём. Включая время, когда вы просыпаетесь, и время, когда ложитесь.

Пауза.

— А восточная башня, как известно, ведёт собственный журнал всякий раз, когда дверь открывается кровью рода. Он хранится не только в стене — копия ложится в приходно-расходную книгу управляющего. Ту, что читаю я, прежде чем она попадает к герцогу.

Я застыла.

Он знал, что каждый мой визит уже записан — и что от него одного зависит, дойдёт ли эта запись до отца в подлинном виде или в виде, куда более безобидном.

— Седьмая ступень снизу на третьем уровне скрипит, — добавил он так же ровно, как если бы речь всё ещё шла о салате. — Рекомендую наступать ближе к стене.

Он поклонился и вышел, оставив меня сидеть с открытым ртом.

Старый хитрый лис. Сорок лет службы научили его, когда докладывать, а когда переписать страницу заново.

— Спасибо, Себастьян, — прошептала я в пустой коридор.

Я вздохнула, откинулась на спинку стула (плевать на манеры, отец всё равно ушёл), потёрла виски.

— Занятия с Лореном, — пробормотала я себе под нос. — Уроки этикета. История. Литература. Танцы. Музыка. Вся эта показушная хрень.

Год. Целый год я буду вынуждена сидеть на этих бесполезных занятиях, делать вид, что слушаю, кивать в нужных местах, улыбаться.

Когда мне нужно тренироваться, каждый день на счету, до апокалипсиса остаётся меньше года.

Я сжала кулаки, ощущая, как под бинтами ноют обожжённые ладони.

— Ладно, — выдохнула я. — Ладно. Буду ходить на эти чёртовы занятия. Буду сидеть тихо, как примерная дочка. Буду улыбаться и кланяться.

А по ночам — тренироваться. В башне. Тайно. Пока все спят.

Днём — леди Веста Эккард, взбалмошная младшая дочь герцога, неумеха с отвратительными манерами.

Ночью — воин. Маг. Огненная Ведьма.

* * *

Вернувшись к себе, чтобы переодеться перед занятиями, я замерла на пороге.

На столе, рядом с шкатулкой для украшений, которую я утром не открывала, лежал сложенный вдвое лист бумаги. Без подписи. Без герба.

Я развернула его.

Почерк был убористый, ровный — тот самый, каким Себастьян подписывал хозяйственные книги.

«Шесть секунд — недостаточно».

Под запиской, придавленный уголком листа, лежал ма-

ленький железный ключ — старый, тёмный от времени, с гравировкой в виде языка пламени на бородке.

Я знала этот узор.

Такие ключи выдавались только в одно место замка Эккард.

В закрытый архив.

Глава 3. Чертежи погибшего мира

День прошёл в бесконечных раздумьях. Я металась по комнате, пыталась вспомнить, как вела себя раньше — до войны, до смертей, до всего этого кошмара. Но каждый раз натыкалась на одно и то же.

Воспоминания о том, как они умерли.

Эдвин — убитый химерой. Его последний взгляд на меня, полный боли и... извинения. Будто он просил прощения за то, что не смог защитить.

Лорен — выпотрошенный гончей Бездны. Его тело нашли на третий день после битвы. Опустила только по кольцу.

Я тряхнула головой, прогоняя образы. Нельзя. Нельзя об этом думать. Сейчас они живы. И останутся живыми.

Солнце начало опускаться, окрашивая небо в багряные оттенки. Время близилось к ужину. И в этот момент я услышала — цокот копыт по мощёной дороге, скрип колёс.

Подбежала к окну, выглянула.

У главного входа остановилась карета. Чёрная, с золотым гербом Эккардов на дверце.

Они вернулись.

— Братья прибыли, — прошептала я своему отражению в зеркале. — Сцена готова. Веста Эккард, не обосрись.

Попыталась запихнуть выбившиеся пряди волос обратно в причёску. Бесполезно — они торчали, как всегда. К чёрту.

Забыв о тех самых манерах, о которых думала весь день, я рванула к выходу бегом.

* * *

Эта противная юбка путалась под ногами. Спотыкаясь, чуть не падала на каждом повороте. Врезалась в двух горничных в коридоре — они шарахнулись с криками.

Хрен с ними.

Одна мысль заполняла голову: я сейчас увижу их. Живыми. Целыми.

Я отворила главные ворота и...

Запнулась об юбку.

С грацией мешка картошки грохнулась плашмя на крыльцо.

Прямо перед всем составом управляющих и слуг, которые выстроились встречать господ.

Боль в коленях, ладонях. Юбка задралась неприлично. Волосы рассыпались окончательно.

Элегантность уровня «таверна после пьяной драки».

Наверное, только в слащавых романах героиню всегда кто-то успевает подхватить. Или я просто на героиню не тяну.

Я подняла голову, отрывая лицо от камня — и замерла.

Они стояли у кареты. Оба. Живые.

Эдвин — высокий, статный, в безупречном чёрном камзоле с серебряным шитьём. Иссиня-чёрные волосы аккуратно зачёсаны назад. Янтарные глаза широко распахнуты от

изумления.

Лорен — рядом с ним, растрёпанный, как всегда. Он замер на полушаге, глядя на меня с таким выражением, будто увидел двухголовую корову.

Я так обрадовалась, что даже не почувствовала смертоносную ауру, исходящую от отца.

Хотя прислуга почувствовала. Все как один съёжились, опустили глаза, втянули головы в плечи.

Я медленно перевела на него взгляд.

Герцог Рейнхард Эккард стоял на верхней ступени. Лицо каменное, но глаза полыхали огнём. Буквально. В глубине плясали искры магии — верный признак, что он на грани.

Но мне было неважно.

Я села на колени, не обращая внимания на боль, на неприличную позу, на то, что половина двора смотрит.

И тарасилась на братьев, не моргая. Даже дыхание затаила, боясь спугнуть наваждение.

* * *

Первым опомнился Лорен.

— Веста? — голос мальчишеский, с ломающимися нотками. — Ты... того... в порядке?

Он сделал шаг вперёд, нахмурился, разглядывая меня.

— У тебя коленки ободраны. И лицо... э-э... там кровь на губе.

Практичный. Заботливый. Видит детали. Мой братишка. Эдвин среагировал следом — но по-другому. Он шагнул

вперёд, протянул руку.

— Вестия. Встань. Немедленно.

Голос ровный, спокойный, но в нём слышалась сталь. Приказ, а не просьба. Старший брат, глава семьи после отца.

Но в глазах... В глазах читалась тревога. Он осматривал меня — лицо, руки, юбку — оценивал повреждения.

— Ты ушиблась? Что-то сломала? — добавил он тише. — Отвечай.

Я молчала. Просто смотрела. Пожирала их глазами.

Чёрные волосы Эдвина — ещё без седины. В прошлой жизни они начали серебриться на висках от ужаса битв. Лицо — без шрама через бровь, который он получит, сражаясь с гарпией.

Лорен — щёки ещё пухлые, детские. Глаза ясные, без той боли, что появится после первого убийства. Улыбка широкая, искренняя.

Живые. Целые. Мои.

— Вестия Эккард!

Рык отца разнёсся по двору, заставив всех вздрогнуть.

Я не шевельнулась.

— Ты оглохла?! Встань. Сейчас же. И объясни этот цирк! «Блять».

Я поднялась — медленно, неловко. Сделала три шага — и кинулась на братьев.

Врезалась в Эдвина всем телом, обхватив руками так сильно, что он охнул от неожиданности. Потом перехватила

Лорена, прижала к себе с той же силой — и почувствовала, как мальчик вздрогнул, попытался высвободить руку, зажатую между нашими телами.

— Веста, — просипел он, — ты меня сейчас пополам сломаешь...

Я разжала пальцы, но не полностью.

— Прости, — выдохнула я в его волосы. — Прости, прости.

— Да за что? — не понял он, всё ещё пытаюсь вывернуть-ся. — Ты чего такая... сильная сегодня?

Эдвин осторожно, но настойчиво отвёл мою руку от своего плеча — там, где я вцепилась, на камзоле остались белые вмятины от пальцев.

— Веста? — голос Эдвина прозвучал растерянно. — Что...

Он замолчал. Осторожно обняв в ответ. Одна рука на моей спине, другая — на плече. Контролируемо и аккуратно, будто я была вазой, которую только что уронили и теперь боятся уронить снова.

— Ты плачешь? — Удивлённо спросил Лорен.

Я плакала?

Провела рукой по лицу — мокрая.

— Просто... — выдавила я хрипло. — Просто соскучилась, идиоты.

— За три дня? — фыркнул Лорен, потирая плечо. — Ты же обычно радуешься, когда мы уезжаем.

— Просто, плохой день.

— Плохой день не заставляет тебя стискивать брата так, что у него рука немеет, — тихо парировал Эдвин, глядя на меня внимательнее, чем мне хотелось бы. — Что случилось, Веста?

— Ничего, — солгала я.

— ДОСТАТОЧНО!

Голос отца грянул, как гром.

Я неохотно разжала объятия, отступила на шаг. Вытерла лицо рукавом — плевать на приличия.

Отец спустился по ступеням, остановился передо мной. Смотрел сверху вниз. Лицо как высеченное из гранита.

— Ты. В моём кабинете. После ужина, — процедил он. — А сейчас иди приведи себя в порядок. Выглядишь как нищенка.

Развернулся и ушёл в замок.

Слуги торопливо разбежались — кто к багажу, кто в замок, кто куда. Двор опустел за минуту.

Остались только мы трое.

Лорен посмотрел на меня, потом на Эдвина, потом снова на меня.

— Она точно в порядке? — спросил он шёпотом.

— Нет, — ответил Эдвин так же тихо. — Но притворяется, что да.

Он протянул мне носовой платок — белоснежный, с вышитой монограммой.

— Вытри лицо. И пойдём ужинать. Отец уже зол, не стоит усугублять.

Я приняла платок, промокнула глаза.

— Спасибо, — пробормотала.

* * *

Семейная столовая встретила нас ярким светом люстр и запахом жареного мяса.

Стол был накрыт по полной программе — возвращение сыновей требовало торжественного ужина. Жареная дичь, овощи на гриле, пироги, фрукты, вино.

Отец уже сидел во главе стола. Лицо непроницаемое, но пальцы постукивали по столешнице — верный признак раздражения.

Я заняла своё место — справа от него. Эдвин сел напротив. Лорен пристроился между нами.

Себастьян материализовался из ниоткуда, налил вино.

— Приятного аппетита, — произнёс он своим тихим голосом и растаял в тенях.

Призрак.

Отец поднял бокал.

— За возвращение сыновей.

Мы подняли свои. Чокнулись. Отпили.

Вино терпкое, густое. Хорошее. Я сделала ещё глоток, ощущая, как тепло разливается по груди.

— Так, — начал отец, откладывая бокал. — Эдвин. Доклад. Как прошли переговоры в столице?

Эдвин положил приборы, выпрямился.

— Успешно, отец. Герцог Селестин Миро согласился на союз. Торговый договор подписан. Пошлины снижены на двадцать процентов. Взамен мы предоставляем им доступ к нашим огненным артефактам.

— Хорошо, — кивнул отец. — Условия?

— Стандартные. Пятилетний контракт с возможностью продления. Неустойка в случае разрыва — сто тысяч золотых.

— Приемлемо. Что с графом Киргом?

— Граф... сопротивлялся, — Эдвин поморщился. — Требовал личной встречи с вами. Я объяснил, что вы заняты. Он обиделся.

— Пусть обижается, — отмахнулся отец. — Кирг всегда был истеричкой. Главное — контракт подписан?

— Да, отец.

— Тогда остальное неважно.

Отец взял нож, начал резать мясо. Движения точные, уверенные.

Я наблюдала за этим разговором, медленно накладывая себе еду. Деловой тон, чёткие вопросы, конкретные ответы. Эдвин докладывал, как опытный управляющий. Без эмоций, только факты.

В двадцать пять лет он уже вёл переговоры наравне с отцом. В прошлой жизни к началу войны он стал правой рукой герцога, фактически управлял половиной дел.

А потом погиб.

Я сжала вилку сильнее, загоняя воспоминание обратно.

— А что ты делал, Лорен? — спросил отец, переводя взгляд на младшего сына.

Лорен подпрыгнул, чуть не уронив бокал.

— Я? Э-э-э... Ну... Ходил в библиотеку! В столичную, огромную, там столько книг! — Он оживился, глаза загорелись. — Я нашёл трактат о древних цивилизациях, там написано, что тысячу лет назад существовали летающие корабли! Представляешь, папа? Корабли, которые летают по воздуху!

— Сказки, — отмахнулся отец.

— Но там чертежи! И формулы! — не унимался Лорен. — Если их восстановить...

— Лорен, — голос Эдвина прозвучал мягко, но твёрдо. — Отец устал. Может, расскажешь позже?

Мальчик сник, опустил голову.

— Да... Извини, папа.

— Любознательность — хорошее качество, — проговорил отец, не поднимая глаз от тарелки. — Но не увлекайся фантазиями. Сосредоточься на практичных знаниях.

— Слушаюсь, отец.

Я видела, как погасли глаза Лорена. Как сникли плечи. Он так хотел поделиться, рассказать что-то интересное — и получил отказ.

— Летающие корабли — это интересно, — сказала я громко.

Все головы повернулись ко мне.

— Расскажешь мне потом? — добавила я, глядя на Лорена. — Хочу посмотреть эти чертежи.

Лицо мальчика озарилось, как солнце из-за туч.

— Правда?! Ты правда хочешь?! — он подскочил на стуле. — У меня в комнате лежат копии! Я могу принести после ужина, и мы...

— Веста, — голос отца оборвал его на полуслове. — Не поощряй пустые фантазии брата.

Я медленно повернулась к нему, встретила янтарный взгляд.

— Это не пустые фантазии, отец. Это знания. Разве вы не говорили, что знание — сила?

— Полезное знание — сила, — поправил он. — Сказки о летающих кораблях — трата времени.

— Откуда вы знаете, что это сказки? — парировала я. — Может, это реальность, о которой мы забыли.

Отец отложил приборы. Посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты споришь со мной, Веста?

Опасный тон.

— Не спору. Высказываю мнение. Разве это запрещено? Тишина повисла над столом, как топор перед падением. Эдвин напрягся, перехватил вилку крепче. Лорен съёжил-ся, глядя то на меня, то на отца.

Себастьян застыл в углу как статуя.

Отец медленно выдохнул, контролируя гнев.

— Мнение высказывать можно, — произнёс он наконец.

— Но уважение к отцу обязательно. Ты забываешь границы, дочь.

— Прошу прощения, — пробормотала я, опуская взгляд. Не искренне. Но достаточно убедительно.

Отец кивнул и вернулся к еде. Разговор с Эдвином вернулся к хозяйственным делам, и я почти перестала слушать, украдкой наблюдая за братьями.

Эдвин держал идеально, но пальцы левой руки слегка подрагивали.

Лорен ковырял еду, строил башенки из овощей и ломал их вилкой.

— Веста, — окликнул меня Эдвин, — ты ничего не ешь.

— Всё в порядке.

— Ты упала сегодня. Может, стоит позвать Лекаря? Или хотя бы Себастьяна, чтобы прислал мага для осмотра? — Он посмотрел на отца. — Отец, вы не находите, что она сама не своя в последние дни?

Я похолодела внутри.

Отец отложил приборы, задержал на меня тяжёлый взгляд — дольше, чем обычно.

— Агата тоже об этом говорила, — произнес он медленно. — Если завтра поведение не выправится, я пришлю жреца Солара. Пусть проверит, нет ли на тебе проклятия или одержимости.

Проклятия, одержимость.

Если бы они знали, насколько это было бы близко к правде.

— Не нужно, — быстро сказала я, стараясь, чтобы голос звучал раздражённо, а не панически. — Я упала с лестницы три дня назад, ударилась головой, немного не в себе с тех пор. Пройдёт само. Не хватало ещё, чтобы жрец объявил меня одержимой, и все слуги начали креститься при виде меня.

Отец хмыкнул.

— Хорошо. Даю тебе неделю. Если не станешь прежней — вызову жреца, и это не обсуждается.

Неделя. У меня была неделя, чтобы вести себя достаточно нормально и не спалиться на своей панике.

— Ужин окончен, — заявил отец, поднимаясь. — Эдвин, Лорен — идите отдыхать. Веста — в моем кабинете.

* * *

Я поднялась, последовала за отцом. Братья проводили меня взглядами — Эдвин обеспокоенным, Лорен сочувствующим.

Личный кабинет отца располагался так же на третьем этаже. Большая комната, заставленная книжными шкафами. Массивный стол из чёрного дерева, кресло с высокой спинкой. Алхимический уголок.

Пахло книгами, воском и дымом.

Я стояла у двери, ждала.

Молчание тянулось.

Наконец он заговорил:

— Что с тобой происходит, Веста? — спросил он, остановившись у стола.

— Ничего, отец.

— Не ври мне, — он развернулся, посмотрел в глаза. — Ты изменилась. Последние два дня ты... другая. Агата докладывает о странностях. Слуги шепчутся.

Он подошёл ближе, остановился в шаге.

— Сегодня ты бросилась на братьев так, что чуть не сломала Лорену руку. Ты плакала. Ты, которая никогда не плачет.

Пауза.

— Что случилось?

Я смотрела в усталые глаза — такие же, как у меня. В них читалось... беспокойство. Настоящее, не показное.

Отец редко показывал эмоции. Но сейчас я видела — он правда волнуется.

— Просто... плохой период, — выдавила я. — Пройдёт.

— Веста...

— Всё нормально, отец. Честно.

Он долго смотрел, изучал.

Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Я не буду настаивать. Но знай — если нужна помощь, ты можешь обратиться. К Эдвину. Ко мне. Мы семья.

Он положил руку мне на плечо — тяжёлую, тёплую.

— Семья держится вместе. Что бы ни случилось.
Слова, которых я ждала годами. И не слышала никогда.
До сих пор.

Комок встал в горле.

— Спасибо, отец, — прошептала я.

Он кивнул, убрал руку.

— Иди отдыхай. И постарайся вести себя прилично хотя бы неделю. Моё сердце не выдержит ежедневных скандалов.

Уголки губ дрогнули — почти улыбка.

Я усмехнулась в ответ.

— Постараюсь. Но не обещаю.

— Я бы удивился, если бы ты пообещала, — вздохнул он.

* * *

Я вышла из кабинета отца и прислонилась к двери, закрыв глаза. медленно выдохнула, ощущая, как напряжение постепенно отпускает.

Разговор прошёл... неожиданно хорошо. Я ожидала гнева, упрёков, может, даже наказания. Вместо этого получила беспокойство и предложение помощи.

Отец изменился? Или я просто забыла, каким он был до войны?

Тяжёлые шаги за спиной заставили обернуться. Себастьян материализовался из тени коридора, неся поднос с чайником.

— Леди Веста, — произнёс он своим тихим голосом. — Позволю себе предположить, что вам пригодится успокаива-

ющий чай. Мятный, с мёдом. Я оставлю его в вашей комнате.

Он прошёл мимо, бесшумный как призрак.

— Себастьян, — окликнула я.

Он остановился, обернулся.

— Да, леди Веста?

— Спасибо. За совет. Про ступеньку.

Его лицо не дрогнуло.

— Я не припоминаю, чтобы давал какие-либо советы, леди Веста, — произнёс он невозмутимо. — Должно быть, вам послышалось.

Он поклонился и удалился, оставив за собой лёгкий аромат мяты.

Старый хитрец.

Я усмехнулась и направилась к своим покоям. Коридоры пусты — слуги расходились по своим комнатам, замок погружался в ночную тишину. Только факелы потрескивали на стенах, отбрасывая длинные тени.

Свернула за угол — и чуть не врезалась в Лорена.

Мальчик стоял у окна, прижимая к груди толстую книгу. Волосы растрёпаны ещё сильнее, если это вообще возможно. На лице — выражение затравленного щенка.

— Веста! — он подпрыгнул, увидев меня. — Я... э-э... Просто шёл мимо. Случайно. Совершенно случайно оказался возле твоих покоев.

Врал он отвратительно. Покраснел, глаза забежали.

— Лорен, — я остановилась перед ним, — ты меня кара-

улил?

— Нет! То есть... может быть. Немного, — он сжал книгу сильнее. — Просто хотел... ну... Ты же сказала, что интересуешься летающими кораблями. И я подумал, может, покажу чертежи. Если ты не против. Если устала, то я уйду! Сейчас уйду!

Он уже развернулся, но я перехватила его за плечо.

— Стой, идиот. Конечно, покажешь.

Лицо мальчика осветилось улыбкой — широкой, беззубой (два передних зуба чуть крупнее, придавали ему вид озорного бельчонка).

— Правда?! То есть... Отлично! Пойдём в твою комнату? Или в мою? Хотя у тебя лучше, там больше света. И стол удобнее. И вообще...

Он затараторил, уже шагая к моим дверям. Я последовала, качая головой.

Вот этого я не помнила. Насколько болтливым был Лорен. В прошлой жизни к моменту апокалипсиса ему исполнилось тринадцать — и он уже не был тем беззаботным мальчишкой. Война стёрла детство за первые полгода.

Сейчас он был просто ребёнком. С горящими глазами, бесконечной энергией и наивной верой, что мир полон чудес. Мне захотелось сохранить это. Любой ценой.

* * *

Мы устроились в моей комнате — я на кровати, Лорен на полу, раскрыв книгу и разложив вокруг себя листы с копия-

ми чертежей.

— Смотри, смотри! — он тыкал пальцем в рисунок. — Это основной двигатель. Видишь эти руны? Они создают антигравитационное поле! А здесь, — он перевернул лист, — система управления. Гениально же?!

Я разглядывала чертежи, пытаюсь разобраться в хитросплетениях линий и формул.

— И это правда работало? — спросила я.

— По легенде — да! Тысячу двести лет назад, до Великой Катастрофы, такие корабли бороздили небеса. Целые флотилии! Они торговали между континентами, перевозили грузы. А потом что-то случилось, знания потерялись, и...

Он замолчал, нахмурился.

— И что? — подтолкнула я.

— Никто не знает. Записи обрываются. Будто целая цивилизация исчезла за один день. Странно, правда?

Очень странно.

И тревожно.

Тысячу двести лет назад что-то уничтожило развитую цивилизацию. Стёрло её так тщательно, что остались только обрывки в древних книгах.

Что, если это было связано с разломами? С монстрами? С Королём Демонов?

Я отогнала мысль. Не сейчас. Потом разберусь.

— Лорен, — сказала я, — а что там ещё написано? Про Катастрофу?

— Немного, — он полистал книгу. — В основном обрывки. Говорится о «тьме с неба». Звучит жутко.

Это уже было. Тысячу двести лет назад.

И повторится снова. Через год.

— Веста? — голос Лорена прозвучал обеспокоенно. — Ты чего побледнела? Тебе плохо?

Я моргнула, сосредоточилась на нём.

— Нет. Всё в порядке. Просто задумалась.

Он не поверил — в глазах читалось сомнение. Но промолчал, вернулся к чертежам.

Мы сидели молча минут пять. Лорен рисовал что-то на листе, я наблюдала.

— Лорен, — позвала я тихо.

— М?

— Ты боишься будущего?

Он поднял голову, удивлённо взглянув на меня.

— Будущего? Нет, а что? А должен?

— Не знаю. Мне просто интересно.

Он задумался, покусал губу.

— Ну... Иногда боюсь, что разочарую отца. Или Эдвина. Что окажусь недостаточно хорошим. Но это не про будущее вообще, а про... меня.

Честный ответ. Детски прямолинейный.

— Ты не разочаруешь, — сказала я твёрдо. — Ты уже хороший. Таким и оставайся.

Он покраснел, смущённо улыбнулся.

— Спасибо. Ты... странная сегодня. Добрая какая-то. Обычно ты колючая.

— Бывает, — усмехнулась я. — Не привыкай.

Он хихикнул.

Стук в дверь прервал момент. Дверь приоткрылась, и внутрь заглянул Эдвин.

— Лорен, уже поздно. Пора спать.

— Но я ещё не дорассказал про навигационную систему!
— запротестовал мальчик.

— Завтра дорассказываешь. Марш в постель.

Тон не допускал возражений. Лорен надулся, но начал собирать чертежи.

— Ладно, ладно. Пойду. Но завтра продолжим, Веста, да?

— Да, — кивнула я. — Обещаю.

Он просиял, схватил книгу и выбежал, на ходу крича «Спокойной ночи!».

Эдвин прикрыл за братом дверь, оставив меня одну.

Глава 4. Брату нельзя лгать

Я проснулась за час до рассвета — тело само вырвало меня из сна, как делало это три года подряд.

Несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь. Тишина. Только тиканье часов, шорох ветра за окном, далёкий крик совы.

Замок спал.

Я бесшумно скользнула с кровати, переоделась в тёмный тренировочный костюм. Забинтовала ладони — ожоги от вчерашней тренировки ещё не зажили полностью, ныли тупой болью. Хорошо. Боль держит в тонусе, не даёт расслабиться.

Прихватила перчатки, лёгкий плащ. Двинулась к восточной башне, держась теней. Седьмую ступень на третьем уровне обошла вплотную к стене — спасибо, Себастьян.

Четвёртый уровень встретил предрассветной прохладой. До восхода — минут сорок.

Достаточно.

* * *

Я скинула плащ, размялась и приняла стойку — ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, вес на носках. Руки вытянуты вперёд, ладони раскрыты.

Глубокий вдох. Выдох.

Концентрация.

— Ну что, Веста, — пробормотала я себе под нос, — вчера держала шесть секунд. Сегодня — десять. Минимум.

Нырнула внутрь себя, коснулась источника маны. Тепло откликнулось жадно, разлилось по венам. Огонь — моя стихия, моя суть. Мы с ним одно целое.

Вытянула руки, сплела пальцы в жест концентрации.

— Зажгись.

Пламя вспыхнуло над ладонями — красно-оранжевое, танцующее. Обычное. Недостаточно.

Я начала сжимать ману, уплотнять. Медленно, осторожно. Представляя, как молекулы кислорода концентрируются вокруг пламени, сжимаются, создают идеальную среду для горения.

Огонь становился ярче. Красный переходил в оранжевый, оранжевый в жёлтый, жёлтый в белый...

— Давай, — прошипела я сквозь зубы. — Давай, сука!

Белый цвет дрогнул, заколебался — и вспыхнул синим.

Синее пламя горело между моими ладонями, искажая воздух вокруг.

Я держала.

Одна секунда. Две. Три.

Руки начали гореть — даже через перчатки жар пробирался, обжигал кожу. Пот выступил на лбу, потёк по вискам.

Четыре. Пять. Шесть.

— Давай, Эккард! — рывкнула я сама себе. — Ещё четыре секунды! Марш!

Семь. Восемь.

Мана истощалась, вытекала, как вода из дырявого ведра. В висках застучало, перед глазами поплыли чёрные точки.

Девять...

Контроль дрогнул. Пламя вырвалось, метнулось вверх, ударило в купол. Камень треснул, посыпались осколки.

Я отпустила заклинание, упала на колени, хватая ртом воздух. Лёгкие горели, сердце колотилось, как бешеное.

— Девять... — прохрипела я. — Девять секунд. Прогресс, блять.

Посмотрела на руки — перчатки обуглились по краям, ладони под бинтами пульсировали болью. Новые ожоги поверх старых.

Красота.

— Ещё раз, — сказала я, поднимаясь. — Десять секунд. Обязательно десять.

Приняла стойку снова.

* * *

Следующие полчаса я провела в аду собственного производства.

Раз за разом вызывала синее пламя. Раз за разом держала, пока хватало сил. Раз за разом падала на колени, задыхаясь и проклиная собственную слабость.

Восемь секунд. Девять. Десять! Одиннадцать!!

Прогресс шёл — медленный, мучительный, но шёл.

Руки превратились в месиво боли — кожа слезла оконча-

тельно, мясо обожжено. Но я не останавливалась.

— Давай, Рут, держи огонь! — кричала я в пустоту, не замечая, что называю имя мертвого товарища. — Не распускай хвост! Ещё пять секунд!

Пламя вспыхивало, синее и яростное. Я формировала его, сжимала, швыряла в стену. Камень плавился, оставляя чёрные подтёки.

— Рэйчел, прикрой фланг! Джорн, концентрация! Не распыляйся, сука!

Имена павших, команды из прошлой жизни. Они сами вылетали из груди, неконтролируемо.

Я погрузилась в транс — существовала только боль, огонь и воля. Ничего больше.

Двенадцать секунд. Тринадцать.

Пятнадцать.

— ЕЩЁ! — взревела я, швыряя сгусток пламени в небо.

Синий огонь взметнулся, взорвался фейерверком, осыпался искрами.

Я стояла, тяжело дыша, покачиваясь. Мана истощена почти полностью. Тело на пределе. Руки не чувствуются — только тупая, пульсирующая боль.

Но я улыбалась.

Пятнадцать секунд.

За одну ночь с девяти до пятнадцати.

— Неплохо, Веста, — пробормотала я. — Неплохо, мразь. Ещё месяц, и дойдёшь до минуты.

Я обернулась, собираясь поднять плащ — и замерла.

У входа на площадку стоял Эдвин.

* * *

Одет в домашнюю одежду — лёгкая рубашка, тёмные брюки, накинутый на плечи плащ. Волосы растрёпаны, будто только встал.

Он не двигался. Смотрел на меня — на дымящиеся руки, на выжженное пятно на камне — и молчал так долго, что я успела представить десяток вариантов, чем это закончится.

— Эдвин, — выдавила я наконец. — Какого демона ты здесь делаешь?

Голос прозвучал резче, чем хотела. Защитная реакция.

Он моргнул, будто очнулся.

— Не спалось, — сказал он наконец. — Увидел свет в башне. Испугался пожара.

Он шагнул на площадку, прикрыл дверь.

— И застал тебя вызывающей синее пламя.

Тишина повисла тяжёлым грузом.

Я судорожно соображала, что сказать. Как объяснить.

— Синее пламя, Веста, — повторил он тихо. — Температура выше тысячи шестисот градусов. Техника, которой владеют единицы. Отец осваивал её двадцать лет и не до конца освоил. А тебе шестнадцать.

Он подошёл ближе, остановился в трёх шагах.

— Откуда ты это знаешь?

Я молчала.

— И эти команды, — продолжил он. — Рут, Рэйчел, Джорн. Кто это? Я не знаю таких людей. Ты кричала, как командир отряда.

Его испуганные глаза сверлили насквозь.

— Что с тобой происходит, Веста? Правду. Пожалуйста.

Голос дрогнул на последнем слове. Мольба, а не требование.

Я стояла, сжав кулаки. Обожжённые руки пульсировали болью, но я не обращала внимания.

Я могла соврать. В сотый раз. Но он уже видел слишком много, а врать человеку, который смотрит на тебя вот так — глупо и подло одновременно.

— Сядь, — сказала я, кивая на камень. — Это долгий разговор.

Он молча опустился на камень. Ждал.

Я села рядом, на расстоянии вытянутой руки. Смотрела на восток, где небо начинало светлеть.

— Помнишь, ты спрашивал, что со мной случилось? — начала я тихо. — Почему я изменилась?

— Помню.

— Ответ... ты неверишь. Никто не поверит.

— Попробуй, — он повернулся ко мне. — Я выслушаю. Обещал ведь.

Я посмотрела в его глаза — серьёзные, обеспокоенные, полные заботы.

Брат. Мой брат, который умер, защищая меня.

— Хорошо, — выдохнула я. — Слушай. И не перебивай, пока не дорассказываю. Договорились?

Он кивнул.

Я набрала воздуха полную грудь.

— Через год начнётся война. Настоящая война. По всей Империи откроются сотни разломов, из которых хлынут монстры. Химеры, гарпии, гончие Бездны и множество других разнообразных тварей, которых ты раньше и не видовал. Они сожгут города, вырежут миллионы людей. Отец погибнет. Лорен... Лорена найдут мёртвым через три дня после битвы за императорский дворец. А ты...

Голос сорвался. Я сглотнула ком в горле.

— Тебя убьёт химера.

Эдвин молчал. Лицо побледнело.

— А потом появится он. Король Демонов. Тот самый, что запечатали тысячу лет назад. Он вырвется. И сожжёт меня заживо чёрным пламенем.

Я повернулась к нему, встретила взгляд.

Тишина.

Долгая, тяжёлая тишина.

Эдвин смотрел на меня, не моргая. Лицо нечитаемое.

Потом медленно выдохнул.

— Веста...

Я почувствовала, как паника поднимается изнутри — ледяная, острая. Что я творю. Совсем ополоумела. Сейчас он либо решит, что я безумна, либо...

Я дёрнулась встать, привычно потянувшись за спасительной шуткой — той самой, про титул. Но Эдвин перехватил меня за запястье. Крепко.

— Не смей, — сказал он. — Не смей сейчас превращать это в шутку. Я видел твоё лицо, когда ты это говорила. Так не шутят.

Я замерла.

— Ты мне не веришь.

— Не знаю, — честно ответил он. — Знаю только, что сильнее пламя настоящее. Что ожоги на твоих руках настоящие. Что ты назвала имена мёртвых мне неизвестных людей так, будто оплакивала их сотню раз.

Он отпустил руку, но не отстранился.

— Дай мне что-то, что я смогу проверить. Не через год. Сегодня. Факт, дату, имя — что угодно, что случится до вечера и подтвердится само. Если это правда — я поверю. Промолчу перед отцом. И помогу, чем смогу.

— А если не подтвердится?

— Тогда я всё равно пойду за лекарем. Потому что либо ты пророчица, либо тяжело больна, и оба варианта требуют, чтобы кто-то, кроме тебя, об этом знал.

Справедливо. И страшно — потому что я понятия не имела, что могу предсказать за один день.

— Хорошо, — выдавила я. — До вечера.

Он кивнул, встал, помог подняться мне. На мгновение задержал взгляд на моих забинтованных ладонях.

— Спрячь получше, — сказал он тише. — Агата увидит — раззвонит по всему замку раньше завтрака. Скажу горничным, что видел, как ты обожглась о щипцы для камина. Купит нам время.

— Спасибо.

Он кивнул на дверь.

— И вот что. Если понадобится поговорить — без свидетелей, без записок, которые могут найти, — оставь свечу на подоконнике библиотеки, той, что с грифоном. Я буду проверять каждый вечер.

Что-то тёплое царапнуло грудь. Первый настоящий союзник в этой жизни, не считая старого хитрого мажордома.

— Договорились.

* * *

Проснулась через два часа от настойчивого стука в дверь.

— Леди Веста! — голос горничной, испуганный. — Вам пора на занятия! Герцог приказал никаких опозданий!

Я застонала, уткнувшись лицом в подушку.

Занятия. Этикет. История. Литература. Весь этот бесполезный бред, когда нужно тренироваться.

— Иду, — прохрипела я. — Пять минут.

Заставила себя встать. Руки болели адски — новые ожоги поверх старых. Нужно было сменить бинты, нанести мазь.

Но времени не было. Накинула перчатки поверх бинтов, оделась наскоро.

Взглянула в зеркало — выгляжу как труп. Тёмные круги

под глазами, бледная кожа, растрёпанные волосы.

Плевать. Пусть думают, что не выпалась.

Что, собственно, правда.

Выскочила из комнаты, почти побежала по коридору. Занятия проходили в четырёхэтажной Башне Знаний, которая располагалась на внешнем дворе напротив кузницы. Второй этаж отведён под историю рода и Империи.

Фрау Хорнель — высокая, статная, лет пятидесяти с чем-то, в тёмно-синем платье с высоким воротником — восседала за учительским столом, как изваяние собственной строгости.

— Леди Веста, — произнесла она, когда я вошла. — Прошу впредь являться вовремя.

— Приношу свои извинения, фрау Хорнель.

Лорен за партой оживился, помахал рукой. Эдвин стоял у окна, скрестив руки — и, когда я села, коротко посмотрел на меня. Один взгляд, который я расценила, как напоминание.

— Однако, — продолжила учительница, открывая книгу, — раз уж вы соизволили присоединиться, начнём урок. Сегодня мы изучаем политическую структуру Империи и историю Великих Герцогств.

Она встала, прошлась вдоль стола. Осанка идеальная, каждый шаг выверен.

— Лорен, напомните мне, сколько Великих Герцогств существует и назовите их.

Лорен вскочил, как от удара током.

— Четыре, фрау Хорнель! Эккард, Руперт, Миро и Бромт!

— Почти верно. Несмотря на то, что семья Конрад является Императорской, когда-то их земли были Герцогскими, так принято считать и по сей день. Садитесь. Теперь, Лорен, расскажите, кто основал герцогство Эккард и когда.

Мальчик нахмурился, задумался.

— Э-э-э... Элизабет Эккард? Тысячу лет назад?

— Почти верно. Тысяча двадцать лет назад, если быть точным. После Великой Войны с Демонами. Садитесь.

Она повернулась ко мне. Я почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Леди Веста. Расскажите мне о политической структуре Империи. Кто обладает реальной властью?

Я медленно встала. В прошлой жизни я бы проямлила что-то общее и села. Сейчас... Сейчас у меня в голове три года опыта политических интриг, выживания, наблюдения за тем, как разваливается империя.

— Формально — император, — начала я. — Реально — власть разделена между императором, Патриархом церкви и четырьмя великими герцогами. Император контролирует армию и законодательство. Патриарх — духовную сферу и инквизицию. Герцоги — свои территории, фактически являясь независимыми правителями.

Фрау Хорнель приподняла бровь. Удивлена.

— Продолжайте.

— Кроме того, существуют теневые силы — криминальные организации вроде Алых Теней, которые контролируют чёрный рынок и работоторговлю. Формально запрещённые, но процветающие благодаря коррупции и покровительству части аристократии.

Тишина.

Лорен тарачился на меня с открытым ртом. Эдвин напрягся, глаза сузились.

Фрау Хорнель медленно подошла ближе.

— Откуда вам известно об Алых Тенях, леди Веста? — голос стал холодным. — Это не тема для благородной девицы.

Блять. Перебор.

— Я... слышала краем уха. Слухи. В замке слуги болтают.

— Слуги болтают, — повторила она медленно. — И вы подслушиваете?

— Не специально. Просто... бывает.

Она долго изучающе смотрела на меня.

— Садитесь, леди Веста. Впредь советую фильтровать информацию, прежде чем озвучивать. Не все знания подобают леди.

Я села, ощущая, как пылают щёки. Злость закипала внутри.

«Не все знания подобают леди».

Да пошла ты, старая карга. Через год эти «неподобающие знания» будут единственным, что удержит людей в живых.

— Однако, — добавила фрау Хорнель, возвращаясь к столу, — ваше понимание структуры власти верное. Неожиданно глубокое для девушки вашего возраста. Возможно, вы не так безнадёжны, как я думала.

Это была похвала? От неё? Сквозь зубы, но похвала.

Лорен захихикал:

— Веста, ты книжки читала? Ты?! Я думал, ты только мечами машешь!

Я пнула его под столом. Он взвизгнул.

— Лорен, леди Веста, — голос учительницы стал ледяным. — Прекратите немедленно. Это класс, а не таверна.

— Простите, фрау Хорнель, — пробормотали мы хором.

Эдвин у окна усмехнулся — едва заметно, но я видела.

* * *

Следующий час тянулся мучительно.

Фрау Хорнель рассказывала о структуре герцогств, о налоговой системе, о взаимоотношениях с церковью. Голос монотонный, но информация — на удивление живая. Она не сыпала датами, как другие учителя. Она рассказывала о людях, об интригах, о том, как рождались и падали дома.

Лорен слушал, затаив дыхание. Он обожал истории.

Я пыталась сосредоточиться, но мысли разбегались. Взгляд Эдвина сверлил затылок. Он ждал. Ждал момента, когда мы останемся наедине.

— Леди Веста, — окликнула меня учительница. — Вы слушаете?

Я вздрогнула.

— Да, фрау Хорнель.

— Тогда повторите, что я сказала.

Пауза.

Я не слышала ни слова последние пять минут.

— Э-э-э...

— Именно, — она поджала губы. — Вы витали в облаках.

Лорен, повторите за сестру.

Мальчик вскочил:

— Вы рассказывали о том, как герцог Миро пытался захватить больше власти сто лет назад, но император Людовик III остановил его, женив своего сына на дочери Миро!

— Верно. Садитесь. — Она повернулась ко мне. — Видите, леди Веста? Даже ваш младший брат внимательнее вас. Это позор.

Злость кольнула.

— Прошу прощения, — процедила я сквозь зубы.

— Прощение не исправит невежество. Вам задание — к следующему уроку написать эссе на тему «Роль женщины в политике Империи». Три страницы. Чернилами, разборчиво.

Я сжала кулаки под партой.

«Роль женщины. Ага. Сиди дома, рожай детей, улыбайся. Потрясающая роль».

— Слушаюсь, фрау Хорнель.

* * *

Урок наконец закончился. Фрау Хорнель собрала книги, кивнула Эдвину:

— Благодарю за присутствие, милорд. Надеюсь, вы убедились, что молодая леди нуждается в дисциплине.

Эдвин склонил голову:

— Убедился, фрау Хорнель. Спасибо за урок.

Она вышла, оставив за собой лёгкий аромат лаванды.

* * *

Остаток дня прошёл в библиотеке.

Лорен притащил огромный том — «Великие Женщины Империи: Истории Силы и Мудрости». Автор — какой-то историк, умерший пятьдесят лет назад.

Мы устроились за большим дубовым столом, заваленным книгами. Солнечный свет лился через высокие окна, отбрасывая золотистые блики на пыльные корешки фолиантов.

Лорен листал книгу, зачитывая вслух:

— «Элизабет Эккард, урождённая из простой семьи кузнеца, стала величайшим огненным магом своего времени. Её сила была столь велика, что демоны боялись её больше, чем святых рыцарей. Но более того — она была мудрой правительницей. Основав герцогство Эккард, она установила законы, которые действуют по сей день...»

Я слушала вполуха, строча эссе. Перо скрипело по пергаменту, чернила клякслились. Я ругалась про себя — отвыкла писать от руки. В последние годы войны никто не вёл записей. Некому было и незачем.

«Роль женщины в политике Империи».

Я писала о том, как женщины формально отстранены от власти. Как могут наследовать титулы только при отсутствии мужчин в роду. Как их выдают замуж ради политических союзов. Как их мнение не учитывается.

Перечитала. Усмехнулась.

Фрау Хорнель будет в шоке. Или в восторге. Трудно сказать.

— Веста, смотри! — Лорен ткнул пальцем в страницу. — Тут написано, что Элизабет была как ты! Рыжая, с янтарными глазами, вспыльчивая!

Я заглянула. Портрет — грубая гравюра, но узнаваемая. Высокая женщина с развевающимися волосами, окружённая пламенем. Лицо решительное, почти жестокое.

— Похожа, — согласилась я.

— Может, ты её реинкарнация? — оживился Лорен. — Или её дух вселился в тебя!

Я фыркнула:

— Не носи чушь. Реинкарнация — сказки для детей.

«Хотя... я же вернулась во времени. Если это возможно, то почему не реинкарнация?»

— Но было бы круто! — не унимался он. — Ты бы была великой героиней! Спасла бы всех!

Я посмотрела на него. На горящие глаза, на мечтательную улыбку.

«Спасла бы всех».

Если бы он знал, как близко к правде.

— Может быть, — тихо сказала я. — Может быть, и спасу.

Я писала эссе, механически, пока Лорен листал книгу и болтал про летающие корабли из вчерашнего рассказа. Мысли крутились вокруг одного: что я могу знать наверняка, что случится сегодня?

Военные сводки. Списки погибших. Даты первых разломов — но это через год, не проверить. Список эвакуации — бесполезно. Мне нужно было что-то маленькое. Незначительное. То, что не изменит мир, но случится ровно так, как случалось тогда — потому что никто, включая меня саму, не знал об этом заранее, а значит, ничего пока не могло измениться.

И тут вспомнила.

Не сражение. Не смерть героя. Мелочь — из тех, что оседают в памяти командира случайно, между строк отчётов о потерях, которые я перечитывала бессонными ночами, выискивая закономерности.

Обвал на Западном руднике.

Второй штрек. Трое погребены. Один не выживет — раздавит ногу, истечёт кровью, пока откапывают. Донесение придёт вечером, перед ужином.

Тогда, в прошлой жизни, я наткнулась на этот отчёт спустя месяцы, роюсь в архивах в поисках причин обвалов на рудниках — искала, не связаны ли они с надвигающимися разломами. Не связаны. Обычная шахтёрская трагедия, одна

из тысяч. Именно поэтому она и годилась — слишком мелкая, чтобы кто-то мог её подделать или предугадать заранее.

— Веста? — Лорен тряхнул меня за рукав. — Ты чернила на щеку посадила.

— Блять, — я вытерла лицо ладонью, только размазав чернила сильнее.

Мне нужно было найти Эдвина. Немедленно.

* * *

Я нашла его в оружейной палате — он рассматривал старые клинки предков.

— Есть, — сказала я тихо, закрыв за собой дверь. — Западный рудник. Второй штрек обвалится. Трое будут погребены заживо, один не выживет — ему разmozжит ногу, истечёт кровью, пока откапывают. Донесение придёт сегодня вечером, перед ужином.

Эдвин долго смотрел на меня.

— Это... очень конкретно.

— Да.

— И если ничего не случится?

— Тогда зови лекаря. Я не буду сопротивляться.

Он кивнул, будто соглашаясь не только со мной, но и с самим собой.

— Хорошо. Ждём вечера.

* * *

Ужин прошёл в напряжённом молчании — по крайней мере, для нас двоих. Отец рассказывал что-то о переговорах с

графом Киргом, Лорен ковырял в тарелке, а я считала минуты, вздрагивая на каждый звук шагов в коридоре.

Донесение принесли, когда убирали десерт.

Себастьян вошёл с подносом, на котором лежал свёрнутый лист с печатью управляющего рудниками. Положил перед отцом, поклонился.

— Срочное, милорд. С Западного рудника.

Отец развернул письмо, пробежал глазами, нахмурился.

— Обвал во втором штреке, — произнёс он вслух, не адресуя это никому конкретно. — Трое завалены. Двоих откопали живыми. Третьему разmozжило ногу балкой — истёк кровью, пока разбирали породу.

Тишина.

Я не смотрела на Эдвина. Не могла. Но чувствовала его взгляд — тяжёлый, ошеломлённый, — на своей щеке.

— Печально, — сказал отец, откладывая письмо. — Распожусь о выплате семье погибшего.

Ужин продолжился как ни в чём не бывало. Лорен спросил про десерт. Отец заговорил о налогах.

А я сидела, вцепившись в край стола, и слушала, как колотится собственное сердце.

После ужина Эдвин догнал меня в коридоре, схватил за локоть, оттащил в нишу за статуей — подальше от лишних ушей.

— Слово в слово, — прошептал он. Голос дрожал. — Веста, ты сказала это слово в слово.

— Знаю.

— Как?

— Я же говорила. Через год начнётся война. Я это видела. Пережила. — Я перевела дыхание. — Не спрашивай, как именно я здесь оказалась. Я сама пока не до конца понимаю. Но моё знание — настоящее.

Он долго молчал, прислонившись к стене, будто искал в ней опору.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я обещал. Молчу. И помогаю.

— Даже если это звучит безумно?

— Особенно поэтому. — Он посмотрел прямо в мои глаза. — Ты моя сестра. Даже если мир сходит с ума — я не позволю тебе сходиться с ума в одиночку.

Комок встал в горле. Я кивнула, не доверяя голосу.

Он выпрямился, одёрнул камзол — привычным движением возвращая себе маску идеального наследника.

— Свеча на подоконнике, — напомнил он тихо. — Если понадобится.

И ушёл, оставив меня стоять в тени статуи, наедине с первым человеком, который знал правду — и не отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.